
БИБЛІОТЕКА
АЛЕКСАНДРОВСКОЙ
В.-ЮРИД. АКАДЕМІИ
ШИФРА Р. 952
№

Юридическая лѣтопись

Ежемѣсячный журналъ

издаваемый при постоянномъ сотрудничествѣ

Н. Ѳ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева, Н. М. Коркунова

подъ редакціей

Н. Д. СЕРГѢЕВСКАГО.

„Viribus unitis"

Годъ первый.	1890.	Февраль.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧЕРТЫ РАЗВИТІЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

НА ЗАПАДѢ И ВЪ РОССІИ.

А. А. Исаева.

I.

Часто приходится слышать отъ путешественниковъ, что страны западной Европы не только въ своихъ главныхъ средоточіяхъ, столицахъ и большихъ торговыхъ городахъ, но и въ незначительныхъ поселеніяхъ представляютъ много удобствъ цивилизованной жизни. Желѣзная дорога или пароходъ привозитъ путника даже въ захолустье Франціи, Англіи и Германіи; повсюду находитъ онъ удобную типичную гостинницу новаго времени; вездѣ къ его услугамъ есть почта, телеграфъ, печать, врачебная помощь; не только маленькій городъ, но нерѣдко и деревня доставляетъ развлеченія, сколько-нибудь отвѣчающія на запросы эстетической природы человѣка. Словомъ, переходъ изъ Парижа или Лондона въ глухую деревушку не настолько рѣзокъ, чтобы путникъ, стряхнувъ съ себя 19 вѣкъ, цѣликомъ переносился въ періоды, отдаленные отъ насъ многими тысячелѣтіями или, по крайней мѣрѣ, вѣками.

Чтó представляется поверхностному наблюденію туриста, то же является, какъ выводъ изъ цѣлаго ряда

точныхъ и всестороннихъ изслѣдованій, которымъ были подвергнуты внѣшняя природа и общественная жизнь западной Европы. Незначительность площади, занимаемой даже великими державами — Франціей, Германіей, Австріей — совершенно исключаетъ тѣ рѣзкія климатическія различія, которыя свойственны отдѣльнымъ областямъ обширной территоріи. Самыя большія государства западной Европы принадлежатъ цѣликомъ одному климатическому поясу, напримѣръ, винограду, пшеницѣ, или много-много, двумъ поясамъ. Не находимъ мы рѣзкихъ различій и въ густотѣ населенія. Возьмемъ, напримѣръ, Францію: если исключить департаментъ Сены съ Парижемъ, то наиболѣе населеннымъ будетъ Сѣверный съ 282 жителями на 100 гектаровъ, а наиболѣе безлюднымъ — департаментъ Нижнихъ Альпъ, гдѣ на 100 гектарахъ живетъ 19 душъ—только въ 15 разъ меньше. Еще меньшія различія представляютъ отдѣльныя мѣстности Англіи: въ самомъ населенномъ графствѣ, Миддльсексѣ, на 1 англійской квадр. милѣ живетъ съ небольшимъ 1000 душъ, а въ Вестморелэндѣ—82. Подобную же однородность представляютъ намъ въ предѣлахъ западно-европейскихъ странъ и другіе важные общественные факты. Такова, напримѣръ, форма владѣнія землей. Отъ пытливаго ума нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ ученыхъ не скрылись уцѣлѣвшіе остатки поземельной общины; ихъ находятъ въ отдаленныхъ уголкахъ многихъ странъ, а маленькая Швейцарія сохранила ихъ для горныхъ кантоновъ почти въ полной неприкосновенности. Но всѣ эти остатки вносятъ немного разцвѣта въ господствующій типъ владѣнія землей, частную поземельную собственность, съ широкимъ правомъ владѣльца распоряжаться своей землей или, какъ въ Англіи, съ ограниченіями, имѣющими прежде всего политическій характеръ. Такой же выводъ дѣлаемъ мы и по изученіи другого крупнаго факта хозяйственной жизни — денежнаго обращенія и развитія кредита. Страны западной Европы цѣликомъ, со всѣми слоями своего населенія, вступили въ

денежно-кредитный періодъ; мѣна отошла далеко въ область преданій: Франція, напр., имѣетъ 8 милліардовъ франковъ золотомъ и серебромъ и денежное обращеніе въ 210 франковъ на 1 жителя; денежное обращеніе представляется въ цѣлой странѣ настолько однороднымъ, что экономисту, изучающему эту сторону хозяйственнаго быта, приходится только отмѣтить, сколько золота и серебра имѣютъ отдѣльныя мѣстности государства; и вотъ онъ вычисляетъ, что во всемъ металлическомъ денежномъ обращеніи департаментовъ Сены или Уазы золото составляетъ болѣе 80%, а гдѣ-нибудь въ Альпахъ или Финистерре—только 50%. Параллельно съ пріобщеніемъ всѣхъ жителей западно-европейскихъ странъ къ денежному обороту идетъ и развитіе кредита, который цѣлой сѣтью учрежденій обнимаетъ все государство, отъ большихъ городовъ до мельчайшихъ деревень, и отъ царей промышленности и биржи до ремесленниковъ, кустарей и поселянъ. Извѣстно чрезвычайное развитіе банковъ въ Англіи и, особенно, Шотландіи; извѣстно, что преимущественно въ послѣдней странѣ люди даже весьма небольшого достатка и скромнаго общественнаго положенія пользуются услугами банковъ и для мелкихъ разсчетовъ, вытекающихъ изъ купли-продажи. Извѣстно широкое развитіе въ Германіи кредитныхъ артелей, по системамъ Шульце-Делича и Райфайзена; эти учрежденія восполняютъ пробѣлъ сѣти кредитныхъ установленій, идутъ на-встрѣчу нуждамъ ремесленниковъ и мелкихъ поселянъ и проникаютъ въ самые отдаленные уголки государства. Цѣпь кредитныхъ учрежденій заканчивается сберегательными кассами, которыя обращаютъ на себя вниманіе не только размѣрами оборотовъ—въ 1887 г. вклады достигали $2^1/_2$ милліардовъ франковъ въ Пруссіи, Франціи, 3 милліардовъ въ Австро-Венгріи—но и повсемѣстной распространенностью и доступностью для всего населенія. Каково же состояніе техники, положимъ, техники земледѣльческой? Англія, Франція, Германія, Италія даютъ намъ картину различныхъ системъ сельскаго хозяйства, и различныхъ степеней интензивности. Но всѣ

эти культуры, если отбросить нѣкоторыя горныя мѣстности, съ преобладаніемъ скотоводства, и хозяйство вблизи большихъ городовъ, гдѣ оно достигло большого разнообразія и высокаго совершенства, всѣ эти культуры могутъ быть сведены къ одной основной системѣ — плодосмѣнамъ съ соотвѣтствующими имъ типами орудій, скота и рабочихъ пріемовъ. Наблюденіе фактовъ совсѣмъ иного порядка, напр., народнаго просвѣщенія, приводитъ насъ къ сходнымъ результатамъ. Отдѣльныя мѣстности каждаго обширнаго государства западной Европы разнятся одна отъ другой по числу грамотныхъ и учащихся; но разница никакъ не можетъ быть названа рѣзкою. Возьмемъ, напр., Пруссію. Въ 1886 году во всемъ королевствѣ 1 учащійся приходился на 6 жителей; колебанія по провинціямъ были совершенно ничтожны: наибольшее число учащихся падало на Прирейнскую провинцію, гдѣ 1 ученикъ приходился на 5,6 жителей, а наименьшее—въ Восточной Пруссіи съ 1 учащимся на 6,1 жителей. Во Франціи изъ рекрутъ призыва 1886 года 10% были неграмотны. Только немногіе департаменты имѣли рѣзкія неблагопріятныя отклоненія отъ этой цифры: во главѣ ихъ стояли Финистерре и Морбиганъ съ 25 и 32% неграмотныхъ новобранцевъ. Подобную же однородность можно было бы прослѣдить и на другихъ сторонахъ общественной жизни.

Совсѣмъ иную картину представляетъ наше отечество. Прежде всего—обширность территоріи, которая такъ часто вдохновляла и настраивала на патріотическій ладъ поэтовъ и историковъ. Страна, простирающаяся съ сѣвера на югъ на 35 географическихъ градусовъ, даетъ намъ всѣ климаты, отъ пояса, почти не знающаго зимы со средней, годовой температурой въ 12 — 13°, до вѣчно скованнаго льдами нашего отдаленнаго сѣвера. Обширности территоріи соотвѣтствуютъ и чрезвычайныя различія въ жизни населенія, и прежде всего его физической жизни. Статистики, въ главѣ о племенномъ составѣ населенія Россіи, говорятъ обыкновенно, что „въ Россіи обитаетъ множество племенъ,

о которыхъ свѣдѣнія не довольно точны". Но если опустить мелкія племенныя группы, населяющія Сибирь, Среднюю Азію и Кавказъ, и ограничиться тѣми, которыя представлены милліонами или сотнями тысячъ—и тогда получимъ около 25 племенъ, которыя рѣзко разнятся другъ отъ друга на многихъ сторонахъ своей общественной жизни. И всѣ племена, кромѣ русскаго, составляютъ въ общей массѣ населенія Имперіи не менѣе $1/_3$. Что значатъ сравнительно съ такими цифрами, тѣ сотни тысячъ не нѣмцевъ, не французовъ, не англичанъ, которые живутъ въ Германіи, Франціи или Англіи. Ужь эта разноплеменность съ различіями въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, нравахъ, обычаяхъ, въ тѣлесной силѣ и навыкѣ къ труду вызываетъ предположеніе и о цѣломъ рядѣ особенностей въ хозяйственномъ быту каждой племенной группы. Основной фактъ, вліяющій на экономическую жизнь—плотность населенія—выступаетъ предъ нами съ обликомъ, неизвѣстнымъ западной Европѣ: Архангельская губернія даетъ намъ на 100 квадр. верстъ только 40 жителей, а Курская—5500, Кіевская—6300; Тобольская—110, Томская—160, а Полтавская 6000, Подольская — 6400, Привислянскія—7—8—10000. Итакъ, по плотности населенія, однѣ губерніи превосходятъ другія въ 100—150—200 разъ. Но губернія—слишкомъ крупная единица: англійскому графству и французскому департаменту соотвѣтствуетъ нашъ уѣздъ. А между уѣздами находимъ еще гораздо болѣе рѣзкія различія: какой-нибудь Роменскій, Ушицкій или Каневскій уѣздъ съ 8—8500 жителями на 100 квадр. верстъ образуютъ міръ, ничѣмъ, повидимому, несходный съ Мезенскимъ или Кемскимъ уѣздами, гдѣ на той же площади привольно размѣстились 10 поморовъ.

Это разноплеменное населеніе, то скученное такъ тѣсно, какъ въ Западной Европѣ, то разсѣянное отдѣльными починками и выселками по необозримымъ пространствамъ Сибири, архангельскаго и вологодскаго края, имѣетъ общегражданскіе законы формой, которая опредѣляетъ жизнь

только меньшинства, горожанъ и привилегированнаго населенія деревни. Огромная же масса и въ важнѣйшихъ, и въ незначительныхъ случаяхъ жизни руководствуется неписаннымъ, но извѣстнымъ каждому, вошедшимъ въ плоть и кровь обычнымъ правомъ. Трудолюбію и дарованіямъ многочисленныхъ русскихъ ученыхъ обязаны мы собраніемъ обильныхъ матеріаловъ по обычному праву, матеріаловъ, которые вводятъ насъ въ самыя сокровенныя сферы жизни русскаго люда и разныхъ другихъ племенъ Имперіи. Эти матеріалы проливаютъ много свѣта и на одинъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ фактовъ — форму владѣнія землею. Мы знаемъ, что высшіе классы имѣютъ право частной собственности на землю, приближающееся къ порядкамъ, которые господствуютъ въ Западной Европѣ. Но бокъ о бокъ съ ними, повсюду въ мѣстностяхъ съ великорусскимъ населеніемъ и, частію, у малороссовъ, инородческихъ племенъ и даже нѣмцевъ-колонистовъ держится въ полной силѣ поземельная община. Она являетъ предъ изслѣдователемъ не послѣдніе остатки когда-то господствовавшей формы владѣнія землею, какъ во Франціи или даже Швейцаріи; она выступаетъ въ полномъ расцвѣтѣ и подчиняетъ себѣ всѣ отношенія жизни. Но и поземельная община не есть что-либо однородное: она образуетъ въ предѣлахъ Россіи цѣлый рядъ наслоеній, изъ которыхъ одни стоятъ всего ближе къ частной собственности на землю, какъ, напр., владѣніе четвертниковъ, другія приближаются къ старинной задругѣ съ общимъ потребленіемъ членовъ. Столь же различны и степени, въ какихъ денежное и кредитное хозяйства привились къ отдѣльнымъ уголкамъ нашего отечества. Столицы и нѣкоторые большіе города переполнены кредитными учрежденіями: торговый людъ пользуется кредитомъ на условіяхъ почти столь же выгодныхъ, какъ въ Западной Европѣ; все городское населеніе имѣетъ къ своимъ услугамъ сберегательныя кассы, куда можетъ помѣщать сбереженія. Чѣмъ дальше въ деревню, тѣмъ безотраднѣе представляется положеніе дѣлъ. Одно время казалось, что ссудо-сберега-

тельныя артели смогутъ широко развиться и удовлетворить нуждѣ населенія въ дешевомъ кредитѣ. Но на повѣрку вышло, что эти артели имѣютъ лишь очень слабое значеніе и вся деревня, за исключеніемъ единицъ, находится въ тяжкомъ плѣну у ростовщиковъ. На-ряду съ полнымъ неустройствомъ кредита, привлекаетъ къ себѣ вниманіе и тотъ фактъ, что денежный обмѣнъ не имѣетъ всеобщаго распространенія и натуральное хозяйство удерживаетъ за собой очень широкое поле. Натуральное хозяйство принимаетъ тысячи образовъ въ отношеніяхъ между землевладѣльцами и поселянами: конные и пѣшіе, мужскіе и женскіе дни, доля урожая и такъ-называемые „басаринки“ — вотъ тѣ разнообразныя формы, въ которыя обыкновенно облекается арендная плата. Но чѣмъ далѣе подвигаемся мы на востокъ, тѣмъ болѣе переходимъ въ область исключительно натуральнаго хозяйства: мѣна разныхъ товаровъ на скотъ, подать мѣхами съ инородцевъ уносятъ насъ въ давно протекшіе періоды. Совершенно однородное впечатлѣніе получаетъ и тотъ, кто наблюдаетъ технику различныхъ отраслей промышленности на пространствѣ нашего обширнаго отечества. Привислянскому и прибалтійскому краямъ, Новороссіи знакомы паровые плуги и молотилки, исполинскія жатвенныя машины. Огородничество и садоводство близъ Петербурга, Москвы и Варшавы достигли высокаго процвѣтанія и обезпечиваютъ землевладѣльцамъ сотни рублей дохода съ каждой десятины. Равнины Великороссіи и Малороссіи, за исключеніемъ немногихъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ, вступившихъ въ область многополья или плодосмѣновъ, переживаютъ періодъ трехпольной системы и даже двухполья. А дальше, на сѣверъ и востокъ, изслѣдователи хозяйственнаго быта считаютъ крупнымъ шагомъ впередъ уже то, что не вся площадь засѣваемой земли воздѣлывается по системѣ подсѣчной, что часть пашни обрабатывается какъ трехполье, что населеніе сдѣлало нѣкоторыя усовершенствованія въ традиціонной сохѣ, замѣнило ее сабаномъ. Словомъ, мы имѣемъ передъ собой

культуру, стоящую далеко ниже римской вначалѣ республики или германской во время Тацита. А еще дальше, у кочующихъ инородцевъ мы находимъ преобладанiе пастбищнаго первобытнаго скотоводства со слабыми зачатками земледѣлiя; стараясь и тамъ отыскать сколько-нибудь рацiональное отношенiе человѣка къ хозяйству, мы можемъ сказать только одно: киргизы изучаютъ свойства пастбищъ и такъ перегоняютъ скотъ изъ мѣста въ мѣсто, что онъ въ теченiе цѣлаго года, даже среди суровой зимы, имѣетъ подножный кормъ. Не менѣе рѣзкiя различiя между отдѣльными мѣстностями или группами населенiя замѣчаемъ мы и относительно другихъ важныхъ общественныхъ фактовъ. Возьмемъ, напр., распространенiе грамотности. Изъ новобранцевъ призыва 1885 года Московская губ. дала 39% неграмотныхъ, Ярославская 28%, Эстляндская даже $2^1/_2$%, а Казанская 85%. Можно было бы привести много и другихъ примѣровъ, подкрѣпляющихъ наши положенiя. Россiю нерѣдко сравниваютъ съ Сѣверной Америкой. Между обѣими странами не мало сходства, но есть и крупныя различiя; среди различiй сдѣлаемъ особенное ударенiе на томъ, что населенiе Соединенныхъ Штатовъ представляется гораздо болѣе однороднымъ. Тамъ изслѣдователь находитъ двѣ неравныя группы: горсть вымирающихъ индѣйцевъ, этотъ остатокъ давнопрошедшихъ вѣковъ и — безъ всякихъ посредствующихъ ступеней—бѣлое населенiе, усвоившее и дальше двинувшее всю европейскую культуру, которая успѣла отчасти перевоспитать и освобожденныхъ негровъ. Россiя же даетъ намъ цѣлую пирамиду наслоенiй—отъ кочевыхъ инородцевъ, современниковъ свайныхъ построекъ и ровесникокъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ, и до обитателей нашихъ большихъ городовъ и населенiя западныхъ окраинъ, которыя смягчаютъ переходъ къ западной Европѣ. Историкъ-экономистъ, начертывая схему, въ которую могъ бы быть вдвинутъ хозяйственный бытъ народовъ, говоритъ о смѣнѣ перiодовъ охотничьяго и рыболовнаго пастушескимъ, пастушескаго — земледѣльческимъ, земледѣльческаго — промышленно-

торговымъ. Западно-европеецъ живетъ въ своемъ отечествѣ среди признаковъ послѣдняго періода, и только памятники старины воспроизводятъ предъ нимъ картину того времени, когда предки переживали одну изъ нисшихъ ступеней въ исторіи хозяйства. Если же русскій человѣкъ проѣдетъ отъ Иркутска до Петербурга или Сосновицъ, то онъ въ предѣлахъ своего отечества захватитъ живьемъ и изучитъ всѣ періоды хозяйственнаго развитія; между крайними ихъ ступенями лежитъ не одинъ десятокъ поколѣній.

II.

Важно отмѣтить эти различія не только ради ихъ самихъ, но и для того, чтобы выяснить нѣкоторыя особенности въ исторіи политической экономіи и въ академическомъ ея преподаваніи.

Научное построеніе политической экономіи возводятъ обыкновенно къ Адаму Смиту и его предшественникамъ— физіократамъ во Франціи и Норту, Петти, Локку въ Англіи. Послѣ Смита, Рикардо былъ завершителемъ многихъ экономическихъ теоремъ, начало которымъ было положено еще въ два предыдущія столѣтія. Извѣстно, что всѣ эти писатели держатся почти исключительно дедуктивнаго метода, что даже Адамъ Смитъ, имѣвшій обширныя и глубокія познанія историка, которыя обнаружились со всей силой и въ его „Теоріи нравственныхъ чувствъ“ и въ „Опытѣ о богатствѣ народовъ“, даже Адамъ Смитъ въ двухъ первыхъ и основныхъ книгахъ своего труда стоитъ на почвѣ дедуктивнаго изслѣдованія. Мы убѣждены, что именно Англія должна была сдѣлаться родиной дедуктивнаго направленія въ наукѣ о хозяйствѣ.

Въ литературѣ неоднократно высказывалось мнѣніе (изъ новѣйшихъ, наиболѣе извѣстныхъ его представителей назовемъ Кэрнса, Вагнера и Шмоллера), что писатели дедуктивнаго метода, избирая отправными точками для своего

мышленія личный интересъ, какъ главный мотивъ въ хозяйственной дѣятельности, и полную свободу промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ, поступали такъ только изъ соображеній свойства методологическаго: рисуя предъ собой общество внѣ опредѣленнаго, государственнаго порядка, внѣ многочисленныхъ и нерѣдко взаимно противорѣчащихъ законовъ, внѣ обычаевъ, внѣ преданій, внѣ предразсудковъ, они достигали большей простоты изслѣдованія и съ особенной полнотой изучали дѣйствіе главной силы въ экономической жизни народа. Нѣтъ, одними соображеніями о пригодности такого пріема съ точки зрѣнія методологіи не можетъ быть объясненъ весь складъ политической экономіи, который придали ей ея творцы: развитіе науки можетъ быть понято только въ связи со строемъ англійской жизни еще въ концѣ XVIII вѣка.

Англійское общество даже 100 лѣтъ тому назадъ было, въ главныхъ фактахъ своей хозяйственной жизни, болѣе однороднымъ, чѣмъ какое-либо общество Европы. Процессъ обезземеленія мелкихъ собственниковъ и ограниченія общинныхъ земель, процессъ полнаго торжества крупнаго землевладѣнія, начавшись еще при Генрихѣ VIII и Елизаветѣ, приближался къ своему окончанію. Старинныя связи общинниковъ по землѣ уступили мѣсто опредѣленнымъ типичнымъ отношеніямъ между землевладѣльцами и арендаторами, и весь поземельный строй вылился въ одну законченную форму. Денежное хозяйство еще ранѣе получило господство во всѣхъ мѣстностяхъ королевства, и даже кредитъ, въ цѣлой системѣ банковъ, былъ достояніемъ всего населенія. Мелкая промышленность еще не была вытѣснена крупною; фабрики только зарождались; но мануфактура, съ далеко двинувшимся раздѣленіемъ труда, стремилась обнять все больше и больше отраслей ремесленнаго производства. Добавимъ, что Англія, еще не сбросившая съ себя всѣхъ путъ, завѣщанныхъ предыдущими столѣтіями, предоставляла гражданину гораздо большій просторъ, чѣмъ свобода, которой пользовалось населеніе другихъ странъ Европы:

довольно назвать, напр., крѣпостное право, которое 100 лѣтъ тому назадъ еще столь прочно держалось на материкѣ Европы.

Экономистъ, возросшій въ такой общественной средѣ, не произвольно, а всѣми окружавшими условіями наталкивался на тотъ складъ мышленія, который мы находимъ у Смита, Рикардо и ихъ учениковъ. Картина крайняго стѣсненія гражданской свободы во Франціи или Германіи и другихъ странахъ дѣлала особенно выпуклымъ тотъ просторъ, который былъ открытъ для личной иниціативы англичанъ. Чувство подсказывало, что нужно требовать доведенія этой свободы до крайнихъ предѣловъ, до осуществленія идеала, а умъ говорилъ, что, сравнительно, она въ Англіи уже и теперь велика, что скоро наступитъ время ея дальнѣйшаго расширенія и что, прозирая въ это недалекое будущее, можно принять ее, принять неограниченное соперничество за обстановку хозяйственной дѣятельности людей. Какими же мотивами человѣческой души слѣдовало объяснять хозяйственные акты? При всѣхъ общественныхъ условіяхъ, человѣкъ любитъ себя больше, чѣмъ ближнихъ, но себялюбіе сдерживается въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ тамъ, гдѣ община, цехъ, корпорація налагаютъ на человѣка разнообразныя обязанности. Гдѣ за человѣка рѣшаютъ законы государства или отдѣльныхъ принудительныхъ союзовъ, тамъ въ каждомъ хозяйственномъ актѣ стремленіе къ личному интересу не можетъ обнаруживаться съ полной силой, тамъ личный починъ не имѣетъ полнаго простора, тамъ въ дѣятельность людей, опредѣляемую извнѣ, легче вкрадываются ошибки. Въ странѣ же, гдѣ хозяйственная дѣятельность совершается при такой свободѣ, какъ въ Англіи, начало личнаго интереса, малостѣсняемое, смѣло можетъ быть принято за точку отправленія. Общественная жизнь Англіи выдвигала эти начала, какъ точки опоры для изслѣдованія экономистовъ, а однородность быта, пріобщеніе почти всего населенія къ однѣмъ и тѣмъ же формамъ хозяйства побуждали англичанъ довольствоваться теоріей,

построенной дедуктивно; не ощущалась потребности въ данныхъ, которыя были бы добыты тщательнымъ изслѣдованіемъ отдѣльныхъ уголковъ государства. Законы, построенные дедуктивно, охватывали широкіе круги населенія и были неудобопримѣнимы къ сравнительно небольшимъ группамъ народа. Эти законы раскрывали предъ англичаниномъ смыслъ хозяйственной жизни вообще, но, еще болѣе того, обобщали множество явленій внутренней жизни страны, знакомили съ основными свойствами англійскаго экономическаго быта и, такимъ образомъ, давали важныя указанія и для практической дѣятельности. Возьмемъ, напр., одну изъ основныхъ чертъ этого направленія—отрицаніе государственнаго вмѣшательства. Настойчивое предположеніе и предпочтеніе такого образа дѣйствій основывались и на знаніи того, что съ освобожденіемъ англійской жизни отъ средневѣковыхъ путъ многое въ хозяйственномъ быту измѣнилось къ лучшему, и того, что англичане всѣхъ общественныхъ группъ наиболѣе склонны къ проявленію личной энергіи и способны къ достиженію хозяйственныхъ цѣлей въ одиночку или посредствомъ соединенія въ свободные частные союзы. Экономисты исходятъ, при всѣхъ умозаключеніяхъ, изъ того хозяйственнаго строя, гдѣ денежный обмѣнъ господствуетъ, охватываетъ всѣ слои населенія. Они совершенно опускаютъ явленія, соотвѣтствующія тому порядку, когда натуральное хозяйство сохранилось еще во всей своей силѣ. Почему? Потому, что Англія давала имъ картину только одного экономическаго строя, хозяйства, основаннаго на денежномъ обмѣнѣ. Возьмемъ, далѣе, законъ о равенствѣ прибыли во всѣхъ предпріятіяхъ. Чѣмъ меньше различій между отдѣльными мѣстностями страны въ путяхъ сообщенія, плотности населенія, предпріимчивости обитателей, чѣмъ меньше ограниченій, налагаемыхъ законами на свободу человѣка въ хозяйствѣ, тѣмъ легче избирать ту отрасль производства, гдѣ прибыль стоитъ высоко и тѣмъ скорѣе совершается уравненіе между различными предпріятіями. Именно Англія

уже давно представляла благопріятныя условія для ближайшаго соотвѣтствія этого закона съ дѣйствительной жизнью во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ; именно въ ней законъ этотъ былъ обобщеніемъ наибольшаго числа случаевъ. Но теорія, построенная англичанами, имѣла значеніе еще и потому, что давала рядъ важныхъ, особенно для Англіи, указаній въ области экономической политики. Сухія, немногословныя теоретическія положенія, вышедшія изъ-подъ пера, напр., Рикардо, могутъ дать точку опоры для мудраго правителя и отвѣтить на вопросы просто образованнаго гражданина о мѣрахъ, которыя способны благотворно дѣйствовать на извѣстную сторону хозяйственнаго быта. Зная законъ заработной платы, онъ понимаетъ, какъ полезны всѣ мѣропріятія государственной власти, могущія ослаблять соперничество, и дѣлаетъ выводы о необходимости фабричнаго законодательства. Эти выводы, практически маловажные для страны съ мелкой промышленностью, разсѣянною по всему государству, получаютъ большое значеніе въ странѣ, уже имѣющей крупное производство.

Условія, способствовавшія сложенію экономической науки именно въ Англіи, не могли остаться безъ вліянія на ея послѣдующія судьбы. Ученый изслѣдователь и академическій преподаватель проникались убѣжденіемъ, что положеніямъ, построеннымъ дедуктивно, соотвѣтствуетъ наибольшая сумма проявленій англійской хозяйственной жизни, что эта жизнь даетъ всего меньше отклоненій отъ среднихъ величинъ, что статистическій методъ, помогая измѣрять и оцѣнивать отклоненія, знакомитъ не съ массой случаевъ, а только съ ихъ меньшинствомъ и что, поэтому, онъ можетъ быть оставленъ въ сторонѣ безъ помѣхи для дальнѣйшаго преуспѣянія науки. Изъ года въ годъ накоплялся обильный статистическій матеріалъ; парламентскія коммисіи по обширнымъ программамъ и съ искусствомъ, быть можетъ, неизвѣстнымъ на материкѣ Европы, изслѣдовали разныя сферы народнаго и государственнаго хозяйства для полученія болѣе прочныхъ основъ во всѣхъ законодатель-

ныхъ мѣропріятіяхъ, но англійская наука мало эксплуатировала эти изслѣдованія. Марксъ, Энгельсъ, Нассе, графъ Парижскій, Брентано и другіе иностранцы сдѣлали въ этомъ направленіи больше, чѣмъ англичане. Отъ Рикардо тянется длинный рядъ выдающихся экономистовъ, которые всѣ оставались вѣрны этому направленію,—Джемсъ Милль, Торренсъ, Макъ-Куллохъ, Сеніоръ, Джонъ Стюартъ Милль, Мэклеодъ, Джевонсъ, Фаусеттъ, Кэрнсъ и другіе. Правда, отъ главнаго ствола еще съ 30-хъ годовъ отдѣлились нѣкоторые побѣги — назовемъ индуктивистовъ Рэ, Джонса и Лэнга; но они были мало замѣтны сравнительно съ главнымъ потокомъ, который проложилъ себѣ широкое русло. Въ послѣднія два десятилѣтія англійская экономическая наука обогатилась многими цѣнными историческими трудами; укажемъ въ особенности на изслѣдованія Мэна, Роджерса, Зиибома, Тойнби; но всѣ эти результаты не вошли въ системы, какъ ихъ необходимая составная часть. Десять лѣтъ тому назадъ, подъ вліяніемъ движенія въ германской наукѣ, Ингрэмъ хотѣлъ пробить брешь въ твердыняхъ дедуктивной школы. Онъ напалъ на ея, будто бы, односторонность, ея отвлеченность отъ дѣйствительной жизни, черствость ея положеній. Рѣчь Ингрэма была прослушана въ торжественномъ собраніи лондонскаго статистическаго общества, найдена очень интересной и—забыта, а наука и преподаваніе остались вѣрны направленію, которое завѣщали предки подъ вліяніемъ условій англійской жизни.

Англійская наука имѣла вліяніе на мышленіе всѣхъ европейскихъ народовъ; но не вездѣ одинаково цѣлостно принимались идеи экономистовъ-классиковъ и ихъ методы. Принявъ ученіе, каждый народъ далъ ему свою опредѣленную окраску. По уровню культуры вообще, и въ частности, по высотѣ экономическаго развитія, Франція изъ большихъ государствъ всего болѣе приближалась къ Англіи еще съ конца прошлаго вѣка. Между отдѣльными группами населенія въ ней не было той однородности, какъ въ Англіи; хозяйственная жизнь, вырабатывая новыя формы

въ наиболѣе населенныхъ и богатыхъ мѣстностяхъ, еще носила въ отдаленныхъ департаментахъ характеръ чего-то первобытнаго и отсталаго. Но все же здѣсь, для усвоенія новыхъ идей и системъ, была хорошо подготовлена почва, какъ французскимъ философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка, такъ и развитіемъ хозяйственной жизни. Немудрено, что Франція, въ лицѣ Кэнѐ, Тюрго и другихъ, дала англійской школѣ нѣсколько крупныхъ предшественниковъ. Жанъ-Баптистъ Сэй былъ отличнымъ проводникомъ во Францію британской науки. Писатель, лишенный всякой оригинальности, но замѣчательно даровитый излагатель и комментаторъ, онъ не только перенесъ на французскую почву англійскую науку, но и упростилъ ее, истолковалъ и вполнѣ приспособилъ къ академическому преподаванію. Ясность и изящество изложенія Сэя, общедоступность, благодаря, главнымъ образомъ, поверхностному отношенію къ труднѣйшимъ вопросамъ науки, опредѣленность, безоговорочное пріобщеніе къ англійскимъ авторитетамъ и рѣшительное отрицаніе исторіи и индуктивнаго метода оказывали сильное вліяніе на современниковъ и послѣдующее поколѣніе. На ряду съ этимъ главнымъ теченіемъ экономической науки успѣшно развивалось и другое—ученіе объ экономическомъ искусствѣ. Исходя отъ Сенъ-Симона, оно образовало цѣлыя системы общественнаго переустройства. Эти системы не изучали, а созидали. Отправляясь отъ главныхъ недуговъ современнаго хозяйственнаго быта, онѣ подвергали ихъ критикѣ и строили планъ преобразованій, которыя должны были обнимать всю общественную жизнь. Какъ въ трудахъ сенъ-симонистовъ, такъ въ „Новомъ промышленномъ мірѣ" Фурье и въ „Организаціи труда" Луи Блана изслѣдованіе того, что есть и почему оно есть именно такъ, имѣетъ совершенно подчиненное значеніе: все направлено къ указанію, какъ должно быть. Эти системы, выливаясь въ требованія новой организаціи труда, совершенно несходной съ господствующими общественными порядками, рѣзко отличались отъ теченія экономической науки, воспри-

нятаго Сэемъ; за отсутствіемъ посредствующихъ звеньевъ, онѣ не могли ни слиться съ нею въ одно цѣлое, ни даже обогатить ее нѣкоторыми изъ своихъ завоеваній. Но, выступая съ опредѣленными, рѣзкими требованіями переустройства, онѣ вызывали на борьбу съ собой всѣхъ, желавшихъ сохранить устои современнаго общества. И вотъ, мы видимъ, что съ 20-хъ годовъ настоящаго вѣка все содержаніе французской экономической науки сводится къ повторенію и, если можно, дальнѣйшему разжиженію наслѣдія Сэя и къ опроверженію доводовъ соціализма. Дюнуайе, Росси, Бастіà, Шевалье, Воловскій, Бодрильяръ и Леруа-Больё шли по колеѣ, проторенной еще Сэемъ. Изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе повторялись разъ дедуктивно добытыя положенія, а матеріалъ, доставляемый наблюденіемъ, служилъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы возражать на доводы соціализма, чтобы доказывать прогрессированіе заработной платы, улучшеніе быта рабочихъ, относительно большее возрастаніе въ продуктѣ доли труда и т. д. Поль Леруа-Больё, глашатай современной французской политической экономіи, есть столько же плодовитый, сколько поверхностный представитель этого направленія.

Иначе развивалась политическая экономія въ Соединенныхъ Штатахъ. Уже давно установилось мнѣніе, что американцы сдѣлали для развитія науки меньше, чѣмъ главные европейскіе народы. Это мнѣніе можетъ быть съ полнымъ правомъ примѣнено и къ политической экономіи. Но если Америка не сдѣлала и въ этой области крупныхъ пріобрѣтеній, то, получивъ наслѣдіе отъ своей старинной метрополіи, она внесла въ науку нѣкоторыя измѣненія, вызванныя особенностями американской жизни. Дабы въ немногихъ словахъ характеризовать особый оттѣнокъ политической экономіи Америки, нужно припомнить нѣсколько моментовъ изъ исторіи постепеннаго сложенія американскаго государства. Начало политической жизни было положено набожными пуританами; ихъ же печать замѣтна и на отношеніи экономистовъ къ хозяйственнымъ явленіямъ.

Европейскіе писатели изучаютъ экономическіе законы объективно, независимо отъ высшихъ силъ, которыя бы ими руководили; умъ европейскихъ экономистовъ не затрогиваетъ и вопроса о цѣляхъ, ради которыхъ эти законы, будто бы, были предустановлены. Американскіе же писатели даютъ своимъ ученіямъ теологическую и телеологическую окраску; каждый законъ считается установленнымъ отъ Божества, изъ начала міра. Другой отличительной чертой является начало борьбы, направленной противъ Англіи. Соединенные Штаты, едва успѣвъ окрѣпнуть, вступили съ Англіей въ борьбу политическую, которая имѣла своимъ основаніемъ экономическое соперничество. Хозяйственная же борьба, при склонности людей предпочитать средства, хотя и не выдерживающія прикосновенія критической мысли, однако, освященныя давностью и многочисленными авторитетами, выражается въ усвоеніи началъ протекціонизма. И мы видимъ, что протекціонизмъ, давъ направленіе американскому законодательству, проникаетъ труды американскихъ писателей отъ Гамильтона и Кэри до Томсона и Грилея. Но борьба съ Англіей не ограничилась практическими мѣропріятіями и формулированіемъ ихъ со стороны науки: она явилась также въ видѣ протеста противъ нѣкоторыхъ излюбленныхъ теорій англійскихъ экономистовъ, въ особенности противъ теорій поземельной ренты и народонаселенія. Густое населеніе Англіи, переходъ всей территоріи въ частную собственность, сосредоточеніе недвижимостей въ немногихъ рукахъ, развитіе пауперизма могли внушить Рикардо невѣрную мысль о порядкѣ заселенія земли; Мальтусъ упустилъ изъ виду, что невзгоды и несчастіе множества людей зависятъ отъ общественнаго порядка, а подмѣченные факты натолкнули его на мысль о двухъ прогрессіяхъ—ариѳметической и геометрической. Обстановка же американской жизни побуждала къ выводамъ, совершенно противоположнымъ. Краткая исторія Соединенныхъ Штатовъ, не превышающая двухъ столѣтій для восточныхъ окраинъ государства, выдвигала предъ изслѣдователями

экономической жизни слѣдующіе факты: огромное, почти безграничное изобиліе земель, возрастающую, вмѣстѣ съ ростомъ населенія, производительность труда и быстро увеличивающееся богатство; съ 1790 года послѣднее доказывалось переписями чрезъ каждыя 10 лѣтъ. Подъ напоромъ множества фактовъ этого рода американскіе писатели не могли не оспаривать Рикардо, что люди, въ заселеніи земли, переходятъ отъ лучшихъ участковъ къ худшимъ и что, размножаясь, они перегоняютъ возрастаніе средствъ продовольствія. Но для того, чтобы сразиться съ изстари враждебною Англіей на почвѣ экономическихъ ученій, чтобы противопоставить законченнымъ системамъ что-нибудь свое, нужно было обогатить себя новымъ матеріаломъ изъ наблюденія туземной жизни. Американскіе экономисты ступили на этотъ путь: на ряду съ дедуктивными умозаключеніями, они охотно пользуются индукціей, отводятъ много мѣста историческимъ и статистическимъ изслѣдованіямъ хозяйственнаго быта своего отечества.

Англійскіе экономисты оказали могущественное вліяніе и на нѣмецкую науку. Ученіе Смита и Рикардо не только нашло откликъ въ Германіи, но и выбросило за бортъ почти весь хламъ камералистики. Всецѣло подчинившись новымъ авторитетамъ, нѣмецкіе экономисты развивали въ подробностяхъ, уясняли и облекали въ учебную форму достояніе англійскихъ классиковъ. Нѣмецкіе писатели не всегда сходились съ своими учителями въ практическихъ выводахъ; государству часто отводилась большая организующая роль въ хозяйственной жизни; наука цѣпко держалась за таможню. И протесты были запечатлѣны даже такими талантами, какъ Адамъ Мюллеръ и Фридрихъ Листъ. Но эти отклоненія отъ авторитета учителей не вносили замѣтныхъ перемѣнъ въ науку. Нѣмцы усовершенствовали систему, проявивъ въ этомъ значительное искусство, и, благодаря трудамъ особенно Германа, Тюнена, Книса, Менгера, внесли въ дедуктивную теорію существенныя добавленія. Но, на ряду съ нѣкоторыми цѣнными пріобрѣтеніями по вопро-

самъ общественнаго хозяйства и финансовъ, теорія обогатилась множествомъ схоластическихъ и никому не нужныхъ тонкостей, новыхъ и часто уродливыхъ терминовъ, новыхъ категорій и безполезнымъ дробленіемъ понятій. Все это отличаетъ нѣмецкую науку вплоть до нашихъ дней. И не только незначительные экономисты, имя которымъ легіонъ, заслуживаютъ въ этомъ упрекъ; отъ него нельзя освободить даже выдающихся писателей: Рау, Вагнера, Менгера, Шеффле, Лоренца фонъ-Штейна и другихъ. Съ сороковыхъ годовъ въ науку начала проникать новая струя: любовь къ историческимъ изысканіямъ заявила о себѣ и въ политической экономіи. Изъ года въ годъ умножались изслѣдованія по исторіи хозяйственнаго быта; а въ системахъ и и университетскомъ преподаваніи стали все ярче обозначаться двѣ составныя части науки—теоретическая, обнимающая типы и законы хозяйственныхъ явленій, и практическая, посвященная исторіи и статистикѣ хозяйства, законодательству и управленію, и тѣмъ формамъ, которыя въ разныхъ странахъ и при различныхъ условіяхъ свободно творитъ хозяйственная дѣятельность людей. Неустанное развитіе статистическихъ учрежденій и наблюденіе массы случаевъ въ областяхъ жизни, которыя до послѣдняго времени оставались неизвѣстными, все болѣе обогащаютъ вторую часть науки. Такимъ образомъ, нѣмецкая наука, усвоивъ достояніе англійскихъ экономистовъ, сдѣлала нѣкоторыя, дѣйствительно цѣнныя завоеванія для теоріи, но, главнымъ образомъ, выдвинула историческій элементъ. Это нашло откликъ въ другихъ странахъ, даже въ Англіи: вспомнимъ Клиффъ-Лесли, Ингрэма, Сиджвика съ ихъ наклонностью къ индуктивному методу. Не слѣдуетъ, однако, обольщаться, будто историческія изысканія нѣмецкихъ экономистовъ и даже такія, какъ труды Родбертуса, Ганссена, Маурера, Шмоллера, Нассе, Штернега, преобразовали науку. Мы вполнѣ примыкаемъ къ мнѣнію Менгера и Сакса, что этотъ историзмъ и соціологизмъ, выразившись съ одной стороны въ созданіи многихъ цѣн-

ныхъ историческихъ изысканій, а съ другой — въ острой и иногда блестящей, но почти всегда безплодной игрѣ ума Шеффле и Лиліенфельда, не способствовали развитію теоріи, какъ общей части науки о хозяйствѣ. Но во всемъ движеніи нѣмецкой экономической мысли намъ представляется очень интересной еще одна особенность: и въ литературѣ, и въ академическомъ преподаваніи не замѣчается стремленія выдѣлить германскій хозяйственный бытъ, какъ самостоятельный объектъ изученія. Есть множество трудовъ, посвященныхъ экономической жизни Германіи и прошлаго, и настоящаго. Въ системахъ же этотъ бытъ обозрѣвается обыкновенно совмѣстно съ бытомъ другихъ народовъ Европы. Курсы Рошера и его послѣдователей или огромный трудъ, составленный соединенными усиліями нѣмецкихъ ученыхъ — книга Шёнберга — служитъ самымъ живымъ тому доказательствомъ. И это — явленіе не случайное: оно стоитъ въ связи со всѣмъ складомъ германскаго экономическаго быта. Оно объясняется, какъ уже было указано раньше, и значительнымъ сходствомъ быта Германіи съ жизнью другихъ странъ, и достаточной однородностью во внутренней жизни самой Германіи.

III.

Не меньшее вліяніе англійскихъ экономистовъ испытала на себѣ и юная русская наука. Мы часто свысока относимся къ отечественной литературѣ, но это не можетъ быть признано справедливымъ. Зачатки русской экономической науки едва восходятъ къ началу настоящаго вѣка, а между тѣмъ уже въ 40-хъ годахъ мы имѣли нѣсколько почтенныхъ для своего времени трудовъ; назовемъ прежде всего курсы Бутовскаго и Горлова. Съ 60-хъ годовъ наша экономическая литература развивается количественно и качественно. Къ монографіямъ по разнымъ вопросамъ общественнаго и государственнаго хозяйства примыкаетъ и нѣ-

сколько курсовъ: они выдаютъ неравную талантливость и ученость авторовъ, они не обнаруживаютъ большой самостоятельности, но свидѣтельствуютъ о стараніи передать то, что сдѣлалось достояніемъ европейской мысли. До настоящаго времени университетское преподаваніе экономіи сводилось почти исключительно къ изложенію теоріи и историческому очерку литературы. Конечно, при довольно обширномъ курсѣ, такія системы преподаванія могутъ сообщить учащимся извѣстную сумму историческихъ и теоретическихъ знаній, но не могутъ, даже въ небольшой степени, приблизить его къ знакомству съ русской хозяйственной жизнью. Теорія, построенная на обобщеніи множества фактовъ изъ быта опередившихъ насъ и болѣе равномѣрно развившихся обществъ, обнимаетъ въ Россіи гораздо меньше явленій извѣстной группы и встрѣчаетъ гораздо больше исключеній. Возьмемъ, напр., законъ стремленія прибылей въ различныхъ производствахъ къ одному уровню. Условія жизни въ отдѣльныхъ уголкахъ Россіи до такой степени разнообразны, что дѣйствіе главной силы парализуется очень многими вліяніями. Вспомнимъ, напр., о сравнительномъ удобствѣ путей сообщенія въ однѣхъ мѣстностяхъ и о полной неприспособленности въ другихъ, о затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ огромная масса народа при передвиженіи изъ мѣста въ мѣсто, о низкомъ уровнѣ развитія большинства русскихъ промышленниковъ и торговцевъ, мѣшающемъ правильно оцѣнивать выгодность сколько-нибудь сложныхъ предпріятій, о недостаткѣ предпріимчивости. Припомнивъ все это, мы поймемъ, что, навѣрное, найдется больше случаевъ, отклоняющихся отъ закона, нежели такихъ, которые ему соотвѣтствуютъ. Возьмемъ другой примѣръ. Наука, установляя законъ поземельной ренты, предсказываетъ ея возрастаніе и необходимое давленіе на прибыль. Давленіе со стороны ренты должны испытывать на себѣ всѣ виды прибыли, среди нихъ и прибыль отъ сельско-хозяйственнаго промысла, т.-е. доходъ арендатора. Это теоретическое положеніе, до нѣкоторой степени, раскры-

ваетъ невыгоды съемщиковъ земли и вызываетъ мысль о полезности регулировать арендное право. Но регулированіе представляетъ особенную важность тамъ, гдѣ преобладаетъ частная поземельная собственность, гдѣ масса безземельна, гдѣ нѣтъ свободныхъ земель, гдѣ, такимъ образомъ, огромная часть населенія, для самой возможности существовать, поставлена въ тяжелую зависимость отъ небольшого числа землевладѣльцевъ. Такой выводъ имѣетъ наибольшее практическое значеніе въ Англіи, гдѣ онъ касается массы земледѣльческаго населенія. Подобный выводъ можетъ быть примѣненъ и въ Россіи на довольно большой площади, особенно въ густонаселенныхъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ очень развито арендованіе земли. Но, выливаясь только въ требованіе преобразовать арендное право, этотъ выводъ былъ бы крайне недостаточенъ именно для Россіи: рѣдкость населенія, обширныя пространства пустующихъ земель во многихъ мѣстностяхъ Имперіи, легкость передвиженія русскаго человѣка, при его крайней непритязательности, — все это, добытое ближайшимъ изученіемъ родины, побуждаетъ насъ построить практическій выводъ на основаніи, болѣе широкомъ, побуждаетъ насъ требовать развитія переселенческой политики, которая болѣе соотвѣтствуетъ и интересамъ народа, и всей обстановкѣ нашего отечества, нежели какое бы то ни было регулированіе арендпаго права въ мѣстностяхъ съ высокою рентой. Сходное утвержденіе можетъ быть сдѣлано и о фабричномъ законодательствѣ. Истекая въ своихъ основахъ изъ теоретическаго положенія объ отдѣльности капитала отъ труда, о развитіи крупнаго производства, оно обнимаетъ сравнительно небольшую часть населенія въ странахъ съ преобладающей кустарной и ремесленной промышленностью. По новѣйшимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи съ населеніемъ въ 82 милліона, было до 1 милліона фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ; но въ это число вошло много городскихъ ремесленниковъ. Число же кустарниковъ опредѣляется въ Европейской Россіи

нѣсколькими милліонами. Самыя условія семейнаго производства крайне затрудняютъ контроль, возможный въ крупной промышленности, а между тѣмъ преждевременное истощеніе рабочей силы выпадаетъ на долю и кустарей и дѣлаетъ въ такой же мѣрѣ необходимымъ вмѣшательство государства. Какого же рода можетъ и должно быть это воздѣйствіе? Насколько неблагопріятно положеніе подчиненныхъ членовъ кустарныхъ семей? Все это можетъ быть выяснено только посредствомъ тщательнаго мѣстнаго изслѣдованія.

Итакъ, въ Россіи болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ Европы, сказывается недостаточность одной теоріи политической экономіи: одна теорія обнимаетъ относительно меньше фактовъ русской жизни; изъ теоріи, въ ея настоящемъ видѣ, практика русской жизни можетъ почерпнуть указанія сравнительно для немногочисленныхъ общественныхъ группъ. Дабы теорія была достаточно восполнена, необходимо старательное, основанное на точныхъ статистическихъ данныхъ, изученіе разныхъ слоевъ русскаго народа и разныхъ мѣстностей русской земли.

Не отъ вчерашняго дня ведетъ свое начало сознаніе, что Россія образуетъ особый міръ, во многомъ не сходный со странами западной Европы. Изученіе разныхъ уголковъ русской земли съ точки зрѣнія религіозной, хозяйственной, юридической, начавшись еще въ прошломъ вѣкѣ и особенно усилившись съ 40-хъ годовъ настоящаго, годъ отъ года доставляло для познанія русской жизни все болѣе обильный матеріалъ. Центромъ изслѣдованія служило населеніе деревень. Какъ научная мысль, направленная въ эту сторону, такъ и художественное творчество, бравшее образы изъ среды нашего крестьянства, дѣйствовали не случайно, не потому, чтобы ученые и художники имѣли исключительную любовь къ мужику и меньшее расположеніе къ городу съ его населеніемъ; нѣтъ, во всѣхъ случаяхъ тѣми и другими руководило или ясное сознаніе, или вѣрное, хотя и безотчетное чувство, что высшіе слои русскаго народа го-

раздо болѣе оформлены на западно-европейскій ладъ, что городъ со всѣми своими обывателями гораздо больше, чѣмъ деревня, носитъ печать западно-европейской культуры, что именно въ деревнѣ должны быть изучаемы характерныя черты русской жизни, которыя даютъ намъ особую окраску, которыя не всегда могутъ умѣститься въ рамки теоріи, перенесенной съ запада и объясняющей только часть явленій нашего быта.

Изслѣдованія на мѣстахъ были до послѣдняго времени случайны и отрывочны. Но съ 70-хъ годовъ они получили превосходную организацію, которая не имѣетъ подобной себѣ и въ западной Европѣ. Толчокъ для этихъ изслѣдованій исходилъ не съ университетскихъ каѳедръ; первыми устроителями и дѣятелями были не теоретики, а земскіе люди. Первоначальной цѣлью изслѣдованія было добываніе матеріала, который облегчалъ бы земству веденіе хозяйства, способствовалъ бы ознакомленію съ имущественными силами уѣздовъ и губерній и болѣе равномѣрному распредѣленію между ними податныхъ тягостей. Но земства, начертывая программы изслѣдованія, понимали высокія задачи, къ которымъ ихъ призвалъ законодатель. Они понимали, что эти изслѣдованія должны быть не канцелярской отпиской, не собраніемъ свѣдѣній только о нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся фактахъ изъ жизни населенія, но изученіемъ всей этой жизни. Они понимали, что въ сферѣ государственнаго быта даже мелкія задачи могутъ быть успѣшно рѣшаемы только при знакомствѣ со всѣми окружающими условіями, что каждый годъ приноситъ органамъ управленія все новые и новые запросы и нужно имѣть большую сумму знаній, дабы съ успѣхомъ ихъ удовлетворять. Результатомъ такого отношенія къ дѣлу явилось всестороннее описаніе многихъ мѣстностей; оно и въ высокой степени удовлетворяетъ любознательность, и облегчаетъ отвѣты на разные вопросы, которые возникаютъ въ сферѣ управленія. Съ того же времени и многія правительственныя вѣдомства производятъ особенно часто изслѣдованія

разныхъ сторонъ русской жизни. Все, вмѣстѣ взятое, дало въ итогѣ огромный матеріалъ, измѣряемый многими сотнями томовъ. Этотъ матеріалъ обработанъ только въ небольшой своей долѣ. Но онъ точно и многосторонне знакомитъ насъ съ родиной; онъ раскрываетъ предъ нами ея нужды, онъ указываетъ пути, которые, съ наибольшей пользой для движенія жизни, могутъ быть избираемы правительствомъ и мѣстнымъ управленіемъ. А если такъ, то каждый образованный гражданинъ долженъ познакомиться хотя съ обобщеніями, на которыя этотъ матеріалъ даетъ право. Всего лучше, если ознакомленіе съ нимъ не будетъ предоставлено на произволъ случая, если этотъ матеріалъ возьметъ въ свое вѣдѣніе университетская наука, разберется въ немъ, освѣтитъ его, и къ общему теоретическому курсу присоединитъ дополнительный курсъ, который будетъ обнимать главныя явленія хозяйственной жизни Россіи.

РАЗДѢЛЕНІЕ ГОЛОСОВЪ

ПО ДѢЛАМЪ УГОЛОВНЫМЪ.

(Практическая замѣтка).

А. Ѳ. Кони.

Въ судебной практикѣ нерѣдко возникаетъ вопросъ о порядкѣ и способѣ счета голосовъ, подаваемыхъ по уголовному дѣлу, при постановленіи приговора. Уставъ уголовнаго судопроизводства въ ст. 769 указываетъ, что, при раздѣленіи голосовъ на два или болѣе мнѣнія, за основаніе рѣшенія принимается то изъ нихъ, которое соединяетъ въ себѣ наиболѣе голосовъ; при равенствѣ ихъ отдается предпочтеніе мнѣнію, принятому предсѣдателемъ суда, а если мнѣнія раздѣлились такъ, что голосъ предсѣдателя не можетъ дать перевѣса, то тому изъ равносильныхъ по числу голосовъ мнѣній, которое снисходительнѣе къ участи подсудимаго. Въ виду нѣкоторыхъ практическихъ затрудненій, вызываемыхъ примѣненіемъ этой статьи, среди процессуалистовъ иногда высказывается мнѣніе о необходимости измѣненія ст. 769 уст. угол. суд. въ смыслѣ правила, установленнаго въ ст. 699 уст. гражд. суд., въ силу коего уголовные судьи, оставшіеся въ меньшинствѣ при раздѣленіи голосовъ на три или болѣе мнѣній, изъ которыхъ ни одно не представляетъ собою абсолютнаго большинства, должны будутъ присоединяться къ одному изъ мнѣній, принятыхъ бо̀льшимъ числомъ членовъ. Едва-

ли, однако, такая необходимость существуетъ. Осуществленіе этого предположенія могло бы вызываться или коореннымъ несоотвѣтствіемъ ст. 769 у. у. с. существеннымъ условіямъ правильнаго отправленія уголовнаго правосудія или же такими практическими затрудненіями при ея примѣненіи, которыя могутъ быть устранены лишь путемъ законодательнаго ея пересмотра.

Разсматривая ст. 699 уст. гражд. суд. и 769 уст. угол. суд. съ точки зрѣнія общихъ началъ отправленія правосудія по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, нельзя не признать, что ст. 699 уст. гражд. суд. имѣетъ въ виду не общее правило исчисленія голосовъ при рѣшеніи, а лишь исключительный, рѣдкій случай второстепеннаго значенія. По коренному смыслу гражданскаго процесса—при рѣшеніи существеннаго вопроса въ каждомъ гражданскомъ дѣлѣ не можетъ быть болѣе двухъ мнѣній. Правило— „ne eat judex ultra petitia“, строго проведенное и въ нашемъ уставѣ гражданскаго судопроизводства (ст. 406) и воспрещающее судьямъ самимъ возбуждать даже такіе очевидные и рѣшительные для дѣла вопросы, какъ вопросъ о давности,—ставитъ предъ судьями одинъ лишь вопросъ: исполнилъ-ли истецъ требованіе ст. 366 того же устава, то-есть доказалъ-ли онъ свой искъ? При этомъ въ словѣ „доказалъ“ содержится не только признаніе фактическихъ обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ иску и легшихъ въ его основаніе, но и признаніе, что юридическія отношенія, выводимыя истцомъ изъ этихъ обстоятельствъ, опредѣлены имъ вѣрно и названы, согласно терминологіи законовъ гражданскихъ, правильно. Поэтому судъ, связанный требованіями истца и не имѣющій права ни присудить больше, чѣмъ онъ требуетъ, ни свободно и независимо отъ доводовъ сторонъ опредѣлить родъ и свойства возникшихъ между ними юридическихъ отношеній, поставленъ въ тѣсныя рамки отрицательнаго или положительнаго отвѣта на вопросъ о доказанности иска. Слѣдовательно, здѣсь трехъ мнѣній быть не можетъ, и какъ при четномъ, такъ и при не чет-

номъ составѣ судебной коллегіи вполнѣ примѣнимо простое и ясное правило, изложенное въ 698 ст. уст. гр. суд. Три или болѣе мнѣнія могутъ возникать лишь при исчисленіи размѣра присуждаемой истцу суммы или при частныхъ опредѣленіяхъ о количествѣ вознагражденія свѣдущимъ людямъ и т. п. Но на практикѣ, за разрѣшеніемъ главнаго вопроса, въ большинствѣ случаевъ въ послѣднемъ отношеніи не можетъ возникать существеннаго троегласія, и случаевъ формальнаго примѣненія ст. 699 уст. гр. суд. въ практикѣ судебныхъ учрежденій почти вовсе не встрѣчается. По этому за ст. 699 уст. гражд. суд. не можетъ быть признано первенствующаго и принципіальнаго значенія для руководства при разрѣшеніи существенныхъ вопросовъ гражданской юрисдикціи.

Иное—и именно руководящее—значеніе имѣетъ ст. 769 у. у. с. Если по сложности и разнообразію матеріала, подлежащаго обсужденію, гражданскія дѣла и вызываютъ, въ большинствѣ случаевъ, болѣе затруднительную работу, чѣмъ дѣла уголовныя, то, съ другой стороны, окончательные вопросы при разрѣшеніи многихъ уголовныхъ дѣлъ являются болѣе сложными, чѣмъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ что бо̀льшій объемъ труда у судьи гражданскаго при изученіи дѣла—уравновѣшивается бо̀льшею глубиною изслѣдованія судьи уголовнаго при постановкѣ и разрѣшеніи вопросовъ. Не говоря уже о бо̀льшей самодѣятельности судей уголовныхъ при опредѣленіи фактической обстановки и при юридической оцѣнкѣ ея, вызываемой тѣмъ, что судъ гражданскій по своей задачѣ преслѣдуетъ истину формальную, а судъ уголовный добивается истины матеріальной, вопросъ о доказанности событія преступленія не исчерпываетъ содержанія уголовнаго рѣшенія и, для связи своей съ карательными результатами, составляющими сущность уголовной репрессіи, требуетъ разрѣшенія еще и вопросовъ о фактической виновности (то-есть было ли дѣяніе, признаваемое преступнымъ, совершено подсудимымъ?), о вмѣненіи и о точной квалификаціи событія. Въ каждомъ изъ этихъ

вопросовъ возможно многоразличное разногласіе. Поэтому ст. 769 у. у. с., будучи единою для опредѣленія способа исчисленія голосовъ коронныхъ судей, получаетъ примѣненіе ко всѣмъ подобнымъ случаямъ, и потому, въ принципіальномъ отношеніи имѣетъ несравненно бо́льшее значеніе, чѣмъ ст. 699 уст. гражд. суд. Соотвѣтствуетъ-ли она кореннымъ условіямъ уголовнаго правосудія? Содержаніе ея вызываетъ отвѣтъ утвердительный. Она соотвѣтствуетъ понятію о роли уголовнаго судьи, не стѣсненнаго формальными доказательствами и рѣшающаго вопросы фактическаго характера по внутреннему убѣжденію. Она соотвѣтствуетъ и тому общему, давно внѣдрившемуся въ общественное сознаніе, началу, въ силу котораго сомнѣніе всегда толкуется въ пользу подсудимаго. А разногласіе есть одинъ изъ видовъ проявленія сомнѣнія. Статья 769 у. у. с. обезпечиваетъ судьѣ свободное, согласно съ указаніями совѣсти, выраженіе своего мнѣнія о всей фактической сторонѣ дѣла, она обезпечиваетъ подсудимому неуклонное, во всѣхъ возможныхъ комбинаціяхъ судейскихъ голосовъ, толкованіе сомнѣнія въ его пользу. Въ силу этой статьи, вопросы фактическіе всегда будутъ разрѣшены большинствомъ; вопросы о квалификаціи дѣянія и размѣрѣ кары всегда будутъ разрѣшаемы согласно съ мнѣніемъ судьи, который усматриваетъ наименѣе отягощающій характеръ въ свойствахъ дѣянія подсудимаго и удовлетворяется меньшимъ уголовнымъ взысканіемъ. Въ дѣйствительности вопросы, о фактическихъ данныхъ, образующихъ въ своей совокупности событіе преступленія, о вмѣненіи, о фактической виновности по каждому отдѣльному изъ предъявленныхъ на судѣ или выработанныхъ судебнымъ изслѣдованіемъ обвиненій могутъ быть, подобно вопросу о доказанности гражданскаго иска, разрѣшены лишь путемъ положительнаго или отрицательнаго отвѣта. Болѣе двухъ мнѣній здѣсь быть не можетъ.

Многогласіе можетъ возникнуть лишь при вопросахъ о квалификаціи дѣянія подсудимаго и о мѣрѣ наказанія.

Нѣтъ сомнѣнія, что принуждать судью, оставшагося въ меньшинствѣ по вопросамъ перваго рода (фактическимъ) и не признавшаго подсудимаго виновнымъ или вмѣняемымъ, участвовать въ обсужденіи вопросовъ о томъ, какое именно преступленіе совершилъ этотъ, не виновный, по его мнѣнію, человѣкъ и какъ именно его наказать, значило бы принуждать его дѣйствовать противъ убѣжденія. Поэтому такой судья не долженъ подавать голоса въ вопросахъ о квалификаціи дѣянія и о мѣрѣ наказанія—и въ предѣлахъ этихъ вопросовъ, при заявленіи *равносильныхъ* по числу голосовъ мнѣній, само-собою образуется мнѣніе, наиболѣе снисходительное къ участи подсудимаго, и сообразно съ нимъ и должна быть рѣшена эта участь. Такимъ образомъ, по точному смыслу ст. 769 у. у. с., во всѣхъ случаяхъ разногласія вопросы рѣшаются по большинству; въ вопросахъ факта—по большинству всѣхъ членовъ коллегіи; въ вопросахъ права—по большинству голосовъ, разрѣшившихъ вопросы факта утвердительно.

Единственное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ такого примѣненія ст. 769 у. у. с., состоитъ въ томъ, что во второмъ родѣ вопросовъ (вопросовъ права) участвуютъ не всѣ члены коллегіи, такъ что, при наличномъ составѣ трехъ судей, будетъ нарушено стародавнее правило: „tres faciunt collegium“ и *одинъ* болѣе снисходительный судья изъ *двухъ*, составляющихъ большинство по вопросамъ факта, рѣшитъ окончательно дѣло. Но сущность коллегіальнаго устройства суда состоитъ не въ томъ, чтобы въ окончательномъ рѣшеніи находили себѣ выраженіе непремѣнно мнѣнія трехъ членовъ коллегіи, а въ томъ, что въ обсужденіи дѣла участвуютъ не менѣе трехъ членовъ, вырабатывая, путемъ уступокъ или противуположеній, выводъ, признаваемый по закону окончательнымъ. Даже и при самомъ простѣйшемъ раздѣленіи голосовъ на абсолютное большинство и меньшинство—въ коллегіи изъ трехъ членовъ—окончательное рѣшеніе постановляется лишь двумя, а въ коллегіи изъ четырехъ членовъ—предсѣдатель, подающій голосъ послѣ

всѣхъ, своимъ присоединеніемъ къ меньшинству — въ сущности одинъ рѣшаетъ дѣло.

Переходя къ практическимъ затрудненіямъ, могущимъ оказываться при примѣненіи 769 ст. у. у. с. въ виду вышеизложеннаго, надо замѣтить, что таковыя должны являться послѣдствіемъ неумѣлой или необдуманной постановки вопросовъ по дѣлу въ связи съ отсутствіемъ выработанныхъ судебною практикою правилъ и традицій, касающихся отношеній мнѣнія меньшинства къ большинству, объ обязательности разъ принятыхъ общихъ рѣшеній, объ юридическомъ значеніи особыхъ мнѣній и т. д. Еслибы, при обсужденіи уголовнаго дѣла, даже въ весьма многочисленной коллегіи, прежде всего ставился и разрѣшался цѣликомъ (виновенъ-ли?) или раздѣльно (совершилось-ли? было-ли дѣяніемъ подсудимаго? вмѣняемъ-ли?) вопросъ факта, то примѣненіе 769 ст. у. у. с. къ вопросамъ права не представляло-бы никакихъ затрудненій. Если изъ 15 членовъ коллегіи 9 признаютъ подсудимаго виновнымъ и затѣмъ изъ этихъ 9 при подачѣ голосовъ о квалификаціи дѣянія признаютъ—трое разбой, трое—грабежъ и трое — самоуправство съ употребленіемъ насилія и наконецъ изъ трехъ, подавшихъ голоса за самоуправство, одинъ полагаетъ подвергнуть виновнаго аресту на 3 мѣсяца, другой—на два и третій—на одинъ, то подсудимый долженъ быть, въ окончательномъ выводѣ, приговоренъ за самоуправство къ аресту на одинъ мѣсяцъ. Такой выводъ будетъ вполнѣ согласенъ и съ указаніями 769 ст. у. у. с., и съ основными началами уголовнаго правосудія. Очевидно, что выводъ будетъ иной—неудовлетворительный и весьма часто неожиданный—при постановкѣ, какъ это иногда практикуется, лишь вопроса: „подлежитъ-ли и какому именно наказанію подсудимый?" причемъ голоса, оправдывающіе подсудимаго, идутъ въ общій счетъ съ голосами, расходящимися относительно квалификаціи и мѣры наказанія. Поэтому упорядоченіе способа исчисленія голосовъ въ духѣ 769 ст. у. у. с. въ значительной степени зависитъ отъ единства въ дѣйствіяхъ судебныхъ коллегій

и отъ строгаго отдѣленія при счетѣ голосовъ вопросовъ факта отъ вопросовъ права. Ближайшее и подробное развитіе правилъ, преподанныхъ въ ст. 769 у. у. с., можетъ, въ свое время, найдти себѣ мѣсто въ общемъ наказѣ; но къ отмѣнѣ, замѣнѣ или измѣненію этой статьи въ порядкѣ законодательномъ основаній не представляется.

НАРУШЕНІЕ ПРАВИЛЪ О КРЕЩЕНІИ
ДѢТЕЙ ОТЪ СМѢШАННЫХЪ БРАКОВЪ.

И. Г. Щегловитова.

До 1721 года въ нашемъ отечествѣ вовсе не допускались браки православныхъ съ неправославными, на основаніи постановленія 6 вселенскаго собора. Въ 1721 году плѣнные шведы, отправленные на службу въ восточныя губерніи, обратились въ бергъ-коллегію съ прошеніемъ о дозволеніи имъ жениться на православныхъ. „Жалкое положеніе шведовъ, замѣчаетъ профессоръ А. Д. Градовскій [1]), убѣдило бергъ-коллегію". Согласно представленію ея, Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ такіе смѣшанные браки, обязавъ родителей воспитывать дѣтей въ православіи. Этотъ порядокъ сохранился донынѣ: смѣшанные браки православныхъ съ неправославными закономъ дозволяются, причемъ, на основаніи ст. 67 ч. 1 т. X Св. Зак. (за исключеніемъ Финляндіи, ст. 68), при заключеніи смѣшаннаго брака, отъ супруга инославнаго отбирается, передъ вѣнчаніемъ, особая подписка о томъ, что онъ будетъ крестить и воспитывать дѣтей по правиламъ православной вѣры. При отказѣ въ выдачѣ такой подписки самое вѣнчаніе, очевидно, не можетъ имѣть мѣста.

---

[1]) Градовскій, Начала русскаго государственнаго права т. I, стр. 378.

Уголовная отвѣтственность родителей за нарушеніе этой обязанности, крестить и воспитывать своихъ дѣтей въ православіи, установлена впервые въ 1845 году и выражена въ первой части 190 статьи уложенія о наказаніяхъ. На практикѣ нерѣдко оказывается, что при заключеніи смѣшаннаго брака подписка отобрана не была, вслѣдствіе чего неизбѣжно возбуждается вопросъ, примѣняется-ли статья 190 уложенія къ такимъ супругамъ, которые, установленной въ 67 статьѣ гражданскихъ законовъ, подписки не давали.

Прежде всего нѣтъ никакого сомнѣнія, что православный родитель ни въ какомъ случаѣ не освобождается отъ отвѣтственности, такъ какъ, по статьѣ 40 уст. о пред. и прес. прест., православные за крещеніе своихъ дѣтей въ иную вѣру подвергаются отвѣтственности по уложенію о наказаніяхъ безусловно, независимо отъ того, рождены-ли дѣти въ простомъ или въ смѣшанномъ бракѣ. Сомнѣніе можетъ возникать только относительно супруга инославнаго. Статья 190 Уложенія говоритъ: „родители, которые по закону обязаны воспитывать дѣтей своихъ въ вѣрѣ православной“... Но статья 153 устава дух. конс. иностр. исповѣданій опредѣляетъ общимъ образомъ, что дѣти родителей евангелическо-лютеранскаго исповѣданія крестятся по установленному для сего вѣроисповѣданія порядку, и обязанности крестить дѣтей въ православную вѣру независимо отъ отобранной подписки не установляетъ. Сами составители уложенія 1845 года, по поводу 190 статьи, разсуждаютъ въ мотивахъ къ проекту слѣдующимъ образомъ: „статьею 71 (67 по изд. 1857 г.) Свода Законовъ гражданскихъ предписывается при бракѣ лицъ православной вѣры съ лицами другихъ христіанскихъ исповѣданій, отбирать отъ нихъ подписки въ томъ, что дѣтей своихъ они будутъ воспитывать въ вѣрѣ православной. Здѣсь предполагается подвергать наказанію виновныхъ въ нарушеніи даннаго ими обѣщанія“ [1]).

---

[1]) Проектъ уложенія о наказаніяхъ 1844 года, стр. 62.

Такимъ образомъ, и по прямому смыслу закона, и на основаніи историческаго толкованія, мы должны признать, что въ случаѣ неотобранія, указанной въ ст. 67 гражданскихъ законовъ, подписки инославный супругъ отвѣтственности по первой части 190 статьи уложенія не подвергается. Обязанность его крестить дѣтей въ православную вѣру есть обязанность условная и основывается на данномъ имъ обѣщаніи (подпискѣ); только за нарушеніе этой обязанности онъ и можетъ быть наказанъ.

Конечно, такая отдѣльная отвѣтственность родителей, за крещеніе своихъ дѣтей не по правиламъ православной вѣры—безусловная, для православнаго супруга, и условная, для инославнаго — представляетъ большія неудобства: она можетъ внести разладъ въ семью; она ставитъ наказуемость дѣяній въ зависимость отъ соблюденія двумя отдѣльными лицами—инославнымъ брачущимся и священникомъ—простой формальности; она вызываетъ крайнія затрудненія при утратѣ документа подписки; она, наконецъ, создаетъ дозволенность для одного изъ родителей такихъ поступковъ по отношенію къ дѣтямъ, которые другому родителю запрещены подъ страхомъ наказанія. Справедливо ли это? — Но тѣмъ не менѣе такой порядокъ есть единственный, вытекающій изъ формулъ нашего закона. Нельзя подвергать наказанію человѣка за нарушеніе обязанности не установленной, а установляется эта обязанность въ данномъ случаѣ лишь фактомъ отобранія подписки.

Говоря объ отвѣтственности родителей за нарушеніе обязанности воспитывать своихъ дѣтей по правиламъ православной вѣры, не лишнее будетъ упомянуть еще объ одномъ практическомъ вопросѣ. Нѣкоторые практики полагаютъ, что такъ какъ 190 статья уложенія главнымъ образомъ караетъ крещеніе дѣтей въ другую вѣру, то счисленіе сроковъ давности должно начинаться отъ момента такого противозаконнаго крещенія. Такое мнѣніе не можетъ быть признано правильнымъ. Изъ содержанія 190 ст. уложенія видно, что законъ нашъ караетъ не только кре-

щенiе, но и приведенiе къ прочимъ таинствамъ, а равно *воспитыванiе* дѣтей по обрядамъ другого христiанскаго исповѣданiя. Преступленiе это несомнѣнно представляетъ собою преступленiе длящееся. Оканчивается оно лишь съ того момента, когда родители, по тѣмъ или другимъ причинамъ, устраняются отъ воспитанiя ребенка. Только съ этого момента можетъ начаться теченiе давности, но ни въ какомъ случаѣ не съ момента крещенiя.

ХРОНИКА

РУССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

за 1889 годъ.

Истекшій 1889 годъ прошелъ далеко не безслѣдно для русской юридической науки; онъ далъ нашему отечеству значительное количество трудовъ, имѣющихъ высокое значеніе, научное и практическое. Представляемъ читателямъ перечень всѣхъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ въ прошломъ году, за исключеніемъ: изданій періодическихъ; изданій, имѣющихъ исключительно учебное значеніе, каковы программы университетскихъ чтеній и университетскія лекціи, поступающія въ продажу для студентовъ отдѣльными листами; частныхъ изданій закона 12 іюля о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій и судебной части въ имперіи, съ другими послѣдовавшими по сему предмету законоположеніями. Изданія этой послѣдней категоріи, появившіяся въ разныхъ городахъ, не включаются нами въ указатель потому, что они потеряли всякое значеніе въ виду оффиціальнаго, удешевленнаго, изданія государственной типографіи, имѣющаго на дняхъ поступить въ продажу.

Затѣмъ не упоминается вовсе еще одна категорія изданій, на которую мы считаемъ даже необходимымъ обратить особое вниманіе читателей. За послѣднее время появились въ значительномъ количествѣ разнаго рода „Конспекты по

лекціямъ", „Изложенія по курсамъ", „Репетиторіумы" и т. д., принадлежащіе большею частью неизвѣстнымъ авторамъ и приспособленные къ удешевленному и ускоренному приготовленію къ экзаменамъ въ комиссіяхъ, учрежденныхъ Университетскимъ Уставомъ 1884 года. Сіи изданія ничего общаго съ наукой права не имѣютъ и лишь злоупотребляютъ именами тѣхъ профессоровъ и ученыхъ, изложеніе курсовъ которыхъ они будто бы въ себѣ заключаютъ. Своей спеціальной цѣли они тоже не достигаютъ.

Впрочемъ, изданныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія экзаменныя программы послужили соблазномъ и для нѣкоторыхъ профессоровъ: два университетскихъ курса уже изданы самими авторами сообразно этимъ программамъ. Мы говоримъ объ учебникѣ Уголовнаго Права профессора Владимірова и Юридической Энциклопедіи профессора Ренненкампфа. Почтенные авторы не приняли въ расчетъ того обстоятельства, что программа экзамена не есть система науки ни съ точки зрѣнія порядка изложенія, ни съ точки зрѣнія объема содержанія.

Экзаменныя программы представляютъ собою лишь списокъ вопросовъ (или билетовъ), предлагаемыхъ на экзаменѣ, но не болѣе; достоинство ихъ заключается именно въ томъ, чтобы всякій могъ по нимъ экзаменовать, и всякій—экзаменоваться. Научныя же системы связаны съ основными идеями и отправными принципами, на которыхъ строитъ свои ученія авторъ; научныя системы вырабатываются или отдѣльными лицами, ихъ самостоятельными творцами, или цѣлыми школами въ наукѣ; но никогда не могутъ быть устанавливаемы въ министерствѣ. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе съ этой стороны учебникъ г. Ренненкампфа: профессоръ университета, въ теченіе многихъ лѣтъ читавшій свой курсъ энциклопеціи права и ничего существеннаго не измѣнившій во второмъ изданіи своего курса (1880 г.), нашелъ нужнымъ перестроить свою книгу по указаніямъ экзаменной программы, являющейся притомъ одною изъ самыхъ неудачныхъ въ числѣ прочихъ юриди-

ческихъ программъ. Самъ профессоръ Ренненкампфъ при всемъ стараніи не могъ дать изложенія всѣхъ вопросовъ по этой программѣ: на стр. 183 онъ прямо оговаривается, что ученіе о nuda jura не можетъ быть внесено въ систему юридической энциклопеціи.

Не имѣя возможности дать въ настоящей хроникѣ ближайшую оцѣнку всѣхъ трудовъ русскихъ ученыхъ, заслуживающихъ вниманія, мы ограничиваемся лишь характеристикой немногихъ общихъ сочиненій и монографій изъ числа выдающихся по своему научному, учебному или практическому значенію.

I.

ОБЩІЕ ВОПРОСЫ ПРАВА.

Березкинъ С. Ѳ. Сперанскій, какъ кодификаторъ. Рѣчь въ засѣданіи Одесскаго Юридическаго Общества 17 февраля 1889 года. Одесса. — Владимірскій-Будановъ М. Ф. Христоматія по исторіи русскаго права. Вып. III. Издан. 3-е. Спб. и Кіевъ. — Гольцевъ В. Воспитаніе, нравственность и право (Сборникъ статей).—Губе Р. М. Законникъ Черногоріи 1888 г. Критическія замѣтки. Перевелъ Гонсіоровскій. Спб. — Гурляндъ Я. Юридическій лексиконъ, объясняющій термины и институты права, судопроизводства, судоустройства и нотаріата. Т III, выпускъ VIII. Одесса.—Леонтовичъ Ѳ. И. Краткій очеркъ исторіи русскаго права. Вып. I. Источники права земскаго періода. Одесса.—Лалаевъ М. Основы законовѣдѣнія, какъ предметъ общаго образованія. По поводу выхода въ свѣтъ новой книги „Курсъ законовѣдѣнія для кадетскихъ корпусовъ". Спб.—Латкинъ, В. Н. Лекціи по исторіи русскаго права. Спб. — Мякотинъ В. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. Спб. — Нефедьевъ Е.

Причины и цѣль изданія Полнаго Собранія и Свода Законовъ съ точки зрѣнія Сперанскаго. Казань. – Курсъ законовѣдѣнія для кадетскихъ корпусовъ. Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи. На основаніи утвержденной Военнымъ Министромъ программы составленъ по порученію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Спб. — Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. Изд. комиссіи собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, состоящей при отдѣленіи этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общества. Спб.—Ренненкампфъ Н. Юридическая энциклопедія (3-е изд.) Кіевъ.— Рѣдкинъ П. Г. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. I—III. Спб.— Современная Россія. Очеркъ нашей государственной и общественной жизни, въ 2-хъ томахъ. Спб. — Семеновъ Н. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Т. I. Спб.—Слонимскій Л. Основные вопросы политики. Спб.—Шимановскій М. В. О значеніи Свода законовъ Россійской Имперіи для науки и жизни. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи 11 февраля 1889 года, посвященномъ памяти графа М. М. Сперанскаго. Одесса.—Харузинъ, М. Н. Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ. (Оттискъ изъ VIII т. Трудовъ отдѣла этнографіи при Императорскомъ Обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи). Москва. — Его же. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. (Обычное право, обряды, вѣрованія и пр.). Вып. I. Москва.

Изъ вышеуказанныхъ сочиненій слѣдуетъ отмѣтить объемистый трудъ **П. Г. Рѣдкина** подъ заглавіемъ „Изъ лекцій по **исторіи философіи права** въ связи съ исторіей философіи вообще“. Лекціи проф. Рѣдкина уже до появленія своего въ печати пользовались широкой и почетной извѣстностью. Многочисленные ученики, слушавшіе маститаго профессора въ московскомъ и петербург-

скомъ университетахъ, свято сохраняютъ память объ его лекціяхъ, собиравшихъ огромныя аудиторіи. Появившееся теперь изданіе представляетъ такъ сказать сводъ того, что читалось почтеннымъ авторомъ въ теченіи многихъ десятилѣтій, еще дополненный результатами знакомства съ новѣйшей литературой предмета. Въ первомъ томѣ находимъ прежде всего пятнадцать вступительныхъ лекцій за время съ 1863 по 1877 годъ, то есть, всѣ вступительныя лекціи, читанныя авторомъ въ петербургскомъ университетѣ. Содержаніе этихъ лекцій весьма разнообразно и связи внутренней между собою онѣ не имѣютъ. Бывшіе слушатели П. Г. Рѣдкина съ величайшимъ удовольствіемъ прочтутъ ихъ, такъ какъ лекціи эти напомнятъ имъ ихъ студенческіе годы и даже первые дни университетской жизни. За вступительными лекціями слѣдуетъ введеніе, въ которомъ авторъ подробно объясняетъ предметъ, содержаніе, методъ и самое названіе исторіи философіи права. Послѣ введенія идетъ уже самое изложеніе историческаго развитія философскихъ ученій о правѣ, обществѣ и государствѣ. Не касаясь философскихъ ученій востока, авторъ начинаетъ свое изложеніе съ **греческой философіи** и въ трехъ вышедшихъ въ свѣтъ томахъ доводитъ его **до Платона**. Напечатанная до сихъ поръ часть курса распадается на четыре отдѣла: 1) предтечи философовъ, теологи и поэты; 2) физики, то есть натурфилософы; 3) софисты, Сократъ и односторонніе сократики и 4) Платонъ. Четвертый отдѣлъ еще не законченъ: изложены только діалоги, имѣющіе вводное значеніе для выясненія Платонова ученія о правѣ и государствѣ. Такимъ образомъ, изложеніе одной только греческой философіи должно, очевидно, занять еще нѣсколько томовъ. Такой объемъ книги объясняется, главнымъ образомъ, самымъ характеромъ изложенія. Авторъ даетъ не столько характеристику ученій отдѣльныхъ мыслителей, сколько прямой пересказъ ихъ произведеній. Въ изложеніи діалоговъ Платона дѣло переходитъ мѣстами въ прямой переводъ ихъ, переводъ, надо сказать, очень хорошій.

Неограничиваясь изложеніемъ философскихъ ученій мыслителей древней Греціи, авторъ приводитъ и тѣ сужденія, какія они вызвали въ новѣйшей философской литературѣ, и при этомъ также большею частью приводитъ подлинныя слова другихъ авторовъ, зачастую выписывая изъ нихъ по нѣскольку страницъ подрядъ.

II.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

Азаревичъ Д. Система римскаго права. Университетскій курсъ. Томъ II. Часть 2. Варшава — Баронъ. Система римскаго гражданскаго права. Перевелъ съ последняго (5-го) нѣмецкаго изданія Л. Пестражицкій. В. IV. Книга V. Семейственное право. VI. Наслѣдственное право. Кіевъ. — Дуткевичъ В. Польское ипотечное право, пер. съ польскаго. Изд. редакц. коммисіи по составленію гражданскаго уложенія. Спб. — Громека И. Опытъ критическаго изслѣдованія нѣмецкихъ теорій о владѣніи. Казань.— Германское торговое уложеніе (Allgemeines deutsches Handelsgesetzbuch). Перевелъ Л. Л. Брейтфусъ. Изд. К. К. Риккера. Спб.—Дювернуа Н. Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву. Спб.—Майнцъ К. Историческое введеніе въ элементарный курсъ системы римскаго права. Переводъ подъ редакціею проф. Стоянова. Харьковъ.—Нерсесовъ Н. О бумагахъ на предъявителя съ точки зрѣнія гражданскаго права. Москва. — Побѣдоносцевъ К. Курсъ гражданскаго права. Часть II. Права семейственныя, наслѣдственныя и завѣщательныя. 3-е изд. Спб.—Расснеръ Д. Институціи императора Юстиніана. (Латинскій текстъ параллельно съ русскимъ). Вып. III и IV. Спб. — Соколовскій А. З. О брачномъ союзѣ, о расторженіи брака (разводъ), о власти родителей, о правахъ законныхъ, усыновленныхъ и незаконныхъ дѣтей

и учрежденій опеки и попечительствъ. Спб.—Соповъ А. Ипотека по римскому праву и по новѣйшимъ законодательствамъ. Варшава. — Шершеневичъ Г. Ф. Курсъ торговаго права. Лекціи. Томъ I. Право матеріальное. Вып. IV. Казань.

Въ области литературы русскаго гражданскаго права самымъ крупнымъ явленіемъ въ истекшемъ году слѣдуетъ признать выходъ въ свѣтъ новаго (третьяго) изданія второй части курса **гражданскаго права К. П. Побѣдоносцева.** Изданіе этой части было настоятельно необходимымъ, такъ какъ она вся разошлась въ продажѣ и представляла собою почти библіографическую рѣдкость, а между тѣмъ курсъ К. П. Побѣдоносцева, какъ это всѣмъ извѣстно, сдѣлался настольною книгой для всякаго русскаго юриста, будь онъ теоретикъ или практикъ, начинающій изученіе гражданскаго права студентъ или умудренный опытомъ законовѣдъ.

Въ новомъ изданіи авторомъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія какъ въ ссылкахъ на дѣйствующее законодательство, которыя приведены въ соотвѣтствіе съ состоявшимися кодификаціонными перемѣнами въ Сводѣ Законовъ, такъ и въ указаніяхъ на литературу и судебную практику; при этомъ, повидимому, въ указаніяхъ этихъ авторъ не стремился къ полнотѣ ихъ, приводя изъ кассаціонныхъ рѣшеній по преимуществу тѣ, которыя могутъ служить руководящими, а изъ литературы—только труды, заслуживающіе, по мнѣнію автора, особаго вниманія. Указанія на новѣйшія законодательныя измѣненія въ иностранныхъ государствахъ приведены бо́льшею частью въ концѣ книги въ видѣ дополненій къ соотвѣтствующимъ параграфамъ: между этими дополненіями, напр., находится указаніе на новое черногорское гражданское уложеніе и историческій очеркъ законодательныхъ мѣропріятій въ Австріи и Сербіи относительно семейной общины (задруги). Самый же текстъ курса остался безъ особенно существенныхъ измѣненій; самое крупное дополненіе сдѣлано на стр. 346—

359, гдѣ включена уже обратившая на себя вниманіе въ литературѣ прекрасная статья автора о **семейныхъ участкахъ**. Въ ней К. П. Побѣдоносцевъ касается назрѣвшаго у насъ вопроса о недѣлимости и неотчуждаемости крестьянскихъ земельныхъ участковъ, въ связи съ болѣе общимъ вопросомъ объ учрежденіи особыхъ семейныхъ участковъ. Въ краткомъ, но замѣчательно сильно и ясно изложенномъ очеркѣ авторъ указываетъ тѣ пагубныя послѣдствія, къ которымъ привело въ иностранныхъ государствахъ Европы (Франціи, Австріи и Германіи), а также въ Сѣверной Америкѣ проведеніе въ жизнь отвлеченнаго начала равенства въ наслѣдованіи земельными участками, и тѣ мѣры, которыми боролись и продолжаютъ бороться правительства этихъ странъ, съ вызваннымъ примѣненіемъ указаннаго начала, обѣдненіемъ сельскаго населенія. Среди этихъ мѣръ К. П. Побѣдоносцевъ отдаетъ преимущество американскому закону о мелкихъ семейныхъ участкахъ, такъ называемому Homestead Exemption. Сущность этого закона состоитъ въ томъ, что землевладѣлецъ можетъ особымъ формальнымъ порядкомъ, съ записью въ поземельную книгу, объявить свою дачу въ размѣрѣ до 200 акровъ, съ домомъ и принадлежащей къ нему инвентарной движимостью, **имуществомъ нераздѣльнымъ** и не подлежащимъ взысканію до 1000 долларовъ. Если при взысканіи окажется, что имѣніе стоитъ дороже этой цѣны, то въ остальной суммѣ владѣльцу предоставляется выкупъ или, буде дача можетъ быть раздѣлена, отъ нея отрѣзывается соотвѣтственная часть. Отъ владѣльца зависитъ, если захочетъ, новымъ актомъ уничтожить неотчуждаемость имѣнія; но дабы охранить семью отъ неразумнаго произвола главы семейства, для этого требуется согласіе жены его.

Обращаясь къ нашему отечеству, авторъ находитъ, что у насъ вопросъ о **недѣлимости и неотчуждаемости мелкихъ участковъ** имѣетъ особенно важное значеніе въ виду того, что у насъ крестьяне при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости были надѣлены землею. На-

дѣлъ этотъ первоначально данъ былъ имъ въ пользованіе (общинное или подворное) съ предоставленіемъ права выкупа для обращенія въ собственность общества или отдѣльныхъ домохозяевъ. Законъ благопріятствовалъ такому образованію крестьянской собственности, въ особенности въ послѣднее время, введеніемъ обязательнаго выкупа, уменьшеніемъ выкупныхъ платежей, учрежденіемъ крестьянскаго поземельнаго банка и другими льготами. Однимъ словомъ, по справедливому замѣчанію автора, правительство видимо стремилось развязать скорѣе узы, связывавшія крестьянское землевладѣніе. Между тѣмъ, хотя при самомъ освобожденіи крестьянъ и предвидѣлась опасность какъ-бы крестьяне, увлекшись неопредѣленными представленіями о свободной дѣятельности и случайнымъ денежнымъ прибыткомъ, не утратили свою осѣдлость и главную ея опору—землю, но къ предотвращенію этой опасности не было принято рѣшительныхъ мѣръ. Въ законъ введена была знаменитая 165 статья Положенія о выкупѣ, предоставляющая каждому крестьянину, по взносѣ всей выкупной ссуды, требовать себѣ выдѣла отдѣльнаго участка, который затѣмъ укрѣпляется за нимъ въ полную собственность, слѣдовательно съ правомъ отчужденія ея безъ всякихъ ограниченій. Въ результатѣ при современномъ облегченіи выкупа вышло, что надѣльные участки стали быстро переходить въ руки скупщиковъ и кулаковъ, число же безземельныхъ крестьянъ все увеличивается. Въ этомъ фактѣ К. П. Побѣдоносцевъ справедливо видитъ большую опасность для благосостоянія нашего сельскаго класса, составляющаго до $^{15}/_{16}$ всего населенія. Для устраненія ея, кромѣ отмѣны упомянутой статьи закона, о чемъ уже возбужденъ вопросъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, авторъ считаетъ необходимымъ опредѣлить въ законѣ **норму нераздѣльнаго крестьянскаго усадебнаго и полеваго участка.**

Вмѣстѣ съ тѣмъ образованіе недѣлимыхъ сельскихъ участковъ представляется, по мнѣнію автора необходимымъ и для другого землевладѣльческаго сословія—**дворянскаго**,

которое со времени освобожденія крестьянъ все болѣе и болѣе падаетъ въ своемъ матеріальномъ благосостояніи; имѣнія же дворянскія мало-по-малу переходятъ въ руки купцовъ, евреевъ и всякаго рода эксплуататоровъ — хищниковъ. Одною изъ важнѣйшихъ причинъ такого явленія представляется задолженность землевладѣльцевъ, нерѣдко происходящая отъ безграничнаго права дробить и отчуждать недвижимыя имѣнія. Въ виду такого бѣдственнаго состоянія нашего землевладѣнія К. П. Побѣдоносцевъ возбуждаетъ, въ заключеніе, вопросъ: не слѣдуетъ ли и нашему законодательству обратиться къ учрежденію такого же типа, какой выработанъ въ Сѣверной Америкѣ въ формѣ приведеннаго выше закона Homestead Exemption.

Обращая вниманіе читателей на вопросъ о семейныхъ участкахъ, въ виду громадной важности его для нашей жизни, мы считаемъ излишнимъ распространяться о высокихъ достоинствахъ курса К. П. Побѣдоносцева во всѣхъ его частяхъ—это значило бы повторить вещи, давно всѣмъ извѣстныя.

Изъ трудовъ, посвященныхъ русскому гражданскому праву, слѣдуетъ остановиться еще на книгѣ профессора С.-Петербургскаго Университета **Н. Л. Дювернуа,** подъ заглавіемъ „изъ курса лекцій по **русскому гражданскому праву**". Книга эта содержитъ въ себѣ введеніе въ курсъ и начало **общей части.** Введеніе занимаетъ почти двѣ трети книги и состоитъ изъ ряда довольно обширныхъ экскурсовъ, представляющихъ обозрѣніе литературной разработки ученія о правѣ и законѣ, о раздѣленіи права на публичное и частное, общее и особенное; затѣмъ въ немъ довольно подробно изложена **рецепція** римскаго права на западѣ и исторія кодификаціи во Франціи и Германіи до самыхъ послѣднихъ временъ, включая сюда и новѣйшій проектъ общегерманскаго гражданскаго уложенія; наконецъ, въ послѣднемъ параграфѣ введенія профессоръ Дювернуа касается тѣхъ же вопросовъ собственно въ русскомъ гражданскомъ правѣ, останавливаясь такимъ образомъ между

прочимъ и на весьма любопытномъ и мало затронутомъ въ нашей литературѣ вопросѣ о томъ, могло-ли римско-византійское право, какъ система юридическихъ институтовъ частнаго права, оказать вліяніе на русскую жизнь. Обширность введенія въ курсѣ Н. Л. Дювернуа объясняется взглядомъ автора на **задачу университетскаго преподаванія** гражданскаго права въ Россіи. Задача эта, думаетъ авторъ, должна состоять не въ изученіи собственно текста законовъ, а въ извлеченіи изъ нихъ общихъ началъ гражданскихъ институтовъ, для чего предоставляется необходимымъ освѣщеніе этихъ началъ съ точки зрѣнія общей теоріи, т.-е. науки права, и сравненіе его съ иностранными законодательствами. Въ напечатанныхъ главахъ общей части изложены: ученіе объ общемъ русскомъ гражданскомъ правѣ въ связи съ общимъ ученіемъ о нормахъ и о юридическихъ отношеніяхъ; и затѣмъ ученіе о лицахъ (физическихъ и юридическихъ) и правоспособности съ ея ограниченіями. По всѣмъ вопросамъ авторъ излагаетъ не исключительно нормы русскаго законодательства, а приводитъ довольно подробный обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ мнѣній, существующихъ въ наукѣ по тому или другому вопросу.

Лекціи проф. Дювернуа содержатъ весьма много любопытныхъ данныхъ и оригинальныхъ мыслей по поводу такихъ основныхъ вопросовъ юриспруденціи, какъ, напримѣръ, раздѣленіе права на публичное и частное, о рецепціи, римскаго права и др., и съ этой стороны представляютъ большой интересъ для юристовъ. Изложеніе лекцій—живое и интересное. Автору можно сдѣлать только упрекъ въ излишнемъ пристрастіи къ иностраннымъ словамъ: зачѣмъ употреблять, напримѣръ выраженія „рефутація“, „теза“, „аттракція“, „штудіи“ и т. п., когда для тѣхъ же понятій есть совершенно точныя и ясныя русскія слова.

Книга профессора Московскаго университета **Н. О. Нерсесова, о бумагахъ на предъявителя** съ точки зрѣнія гражданскаго права, состоитъ изъ краткаго введенія,

въ которомъ анализируется авторомъ опредѣленіе понятія цѣнныхъ бумагъ, однимъ изъ видовъ которыхъ являются бумаги на предъявителя, затѣмъ изъ двухъ частей—исторической и догматической. Въ первой части излагается историческій очеркъ **происхожденія бумагъ на предъявителя**, начиная съ древнѣйшихъ временъ, съ права индусовъ, грековъ и римлянъ, причемъ авторъ приходитъ къ заключенію, что хотя у этихъ народовъ были въ употребленіи безыменные знаки обязательствъ, но знаки эти не имѣли характера настоящихъ бумагъ на предъявителя, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ непосредственному творчеству новыхъ европейскихъ націй. Въ историческомъ очеркѣ авторъ наиболѣе подробно останавливается на исторіи появленія бумагъ на предъявителя во Франціи, удѣляя остальнымъ европейскимъ государствамъ, какъ-то: Италіи, Голландіи, Германіи и Россіи, лишь по нѣсколько страницъ (напр., для послѣдней всего семь).

Изслѣдованіе исторіи бумагъ на предъявителя приводитъ автора къ тому выводу, что первоначальное появленіе ихъ было вызвано стѣсненіемъ процессуальнаго представительства; впослѣдствіи же они сохранились уже какъ весьма удобный способъ для облегченія доказательствъ при передачѣ и при осуществленіи права. Въ догматической части своего труда проф. Нерсесовъ прежде всего останавливается на теоретическомъ обоснованіи **отвѣтственности** по бумагамъ на предъявителя, и о томъ мѣстѣ, которое они должны занимать въ системѣ гражданскаго права. Въ слѣдующихъ главахъ разбираются вопросы о томъ, какія гражданскія права могутъ быть облечены въ форму бумагъ на предъявителя и перечисляются **виды этихъ бумагъ**; затѣмъ авторъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, кто можетъ выпускать бумаги на предъявителя; послѣ этого излагается ученіе о **циркуляціи** ихъ въ гражданскомъ оборотѣ, причемъ перечисляются тѣ сдѣлки, предметомъ которыхъ могутъ быть цѣнныя бумаги, и способы осуществленія по нимъ права. Наконецъ, послѣдняя глава труда г-на Нерсе-

сова посвящена весьма интересному вопросу о **виндикаціи и амортизаціи** бумагъ на предъявителя.

Сочиненіе профессора Нерсесова, имѣя своимъ предметомъ такой сложный и мало разработанный въ наукѣ вопросъ, каковъ вопросъ о бумагахъ на предъявителя, будетъ съ большою пользою прочтено тѣми, кто пожелалъ бы ознакомиться съ положеніемъ этого вопроса въ современной наукѣ и законодательствѣ.

Изъ сочиненій по римскому праву, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1889 году, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить вторую часть втораго тома системы **римскаго права** профессора Варшавскаго университета **Д. И. Азаревича.** Этимъ выпускомъ заканчивается большой трудъ автора, начатый еще три года тому назадъ [1]) съ цѣлью дать русской юридической литературѣ полный курсъ системы римскаго права въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она должна преподаваться въ университетахъ. При изложеніи своего курса, авторъ руководится примѣромъ нѣмецкихъ учебниковъ; поэтому въ первомъ томѣ у него помѣщена общая часть и затѣмъ вещныя права; обязательственное право заняло всю первую часть втораго тома, и наконецъ послѣдняя вторая часть его обнимаетъ собою семейное и наслѣдственное право. Въ отдѣлѣ же семейнаго права авторъ излагаетъ, согласно господствующему въ наукѣ со временъ Савиньи воззрѣнію, и ученіе объ опекѣ и попечительствѣ.

По содержанію своему послѣдній выпускъ труда профессора Азаревича, какъ и оба предыдущіе выпуска, вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ университетскаго курса, представляя собою ясное и обстоятельное изложеніе главнѣйшихъ чертъ институтовъ чисто римскаго права, съ указаніемъ вкратцѣ и ихъ историческаго развитія. По принятому авторомъ плану, въ началѣ каждаго отдѣла приводится указаніе, какъ источниковъ, такъ и главнѣйшихъ литературныхъ пособій; ссылки же на болѣе спеціальные

[1]) Первый томъ системы римскаго права вышелъ въ 1887 году, первая же часть втораго тома—въ 1888 году.

труды находятся въ подлежащихъ мѣстахъ или въ самомъ текстѣ, либо въ выноскахъ. Въ отношеніи къ научной литературѣ полнаго одобренія заслуживаетъ тотъ пріемъ автора, что онъ не вдается въ подробное изложеніе существующихъ въ наукѣ контроверзъ по различнымъ вопросамъ (что значительно увеличило бы объемъ курса и затруднило бы его усвоеніе), а лишь констатируетъ наличность разныхъ мнѣній по вопросу, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ для желающихъ, гдѣ именно возможно съ ними ознакомиться.

Курсъ профессора Азаревича написанъ вообще довольно ясно и удобопонятно даже для начинающихъ; желательно было бы только, въ видахъ чистоты языка, избѣгать излишняго употребленія нѣкоторыхъ иностранныхъ терминовъ, имѣющихъ соотвѣтствующія выраженія въ русскомъ языкѣ, каковы напримѣръ, пупиллы, миноры и т. п.; равнымъ образомъ не слѣдовало бы вводить безъ особой надобности новыхъ словъ, притомъ составленныхъ противно духу отечественнаго языка: таково напр. употребленное авторомъ на стр. 473 выраженіе: „владѣйныя средства" для перевода латинскаго термина remedia possessoria. Въ этомъ переводѣ въ сущности не было никакой надобности, тѣмъ болѣе, что противоположное ему понятіе remedia petitoria оставлено авторомъ безъ перевода, — разумѣется, по той причинѣ, что этотъ переводъ представляется уже совершенно невозможнымъ. Не смотря на этотъ, въ сущности незначительный недостатокъ, курсъ Азаревича слѣдуетъ признать весьма полезной книгой для ознакомленія съ системой римскаго права, и въ этомъ отношеніи его можно рекомендовать какъ хорошее пособіе къ университетскимъ лекціямъ.

Римскому же праву отчасти посвящена также небольшая книжка **Сопова „Ипотека** по римскому праву и по новѣйшимъ законодательствамъ". Въ виду возбужденнаго въ нашемъ обществѣ интереса къ вопросу объ ипотекѣ подъ вліяніемъ ожидаемыхъ въ ближайшемъ будущемъ

законодательныхъ мѣропріятій относительно введенія у насъ ипотечной системы, авторъ предпринялъ свое изслѣдованіе, желая путемъ сравненія ипотеки римской съ ипотекой по новѣйшимъ европейскимъ законодательствамъ выяснить основныя черты этого института и указать премущества и недостатки той и другой изъ ипотечныхъ системъ. Въ современныхъ европейскихъ законодательствахъ авторъ различаетъ нѣсколько основныхъ **типовъ ипотечныхъ системъ**: 1) систему французскую, которая всего болѣе подходитъ къ римскому праву; 2) систему германскую, къ которой относится и дѣйствуюшее въ Царствѣ Польскомъ ипотечное законодательство, и 3) систему, представляющую собою соединеніе началъ римской ипотеки съ основными положеніями германской; такая система дѣйствуетъ у насъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Сверхъ того, авторъ указываетъ на нѣкоторыя законодательства, въ томъ числѣ и наше русское, которыя не подчинились ни римскому праву, ни французскому и германскому, а остались вѣрны своимъ національнымъ началамъ залога, выработавъ такимъ образомъ особый самостоятельный типъ ипотеки, впрочемъ, менѣе удовлетворяющій, по мнѣнію автора, потребностямъ общества. Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Соповъ беретъ исходнымъ пунктомъ, съ одной стороны римскую ипотеку, а съ другой — ипотеку, дѣйствующую въ Царствѣ Польскомъ, какъ относящуюся къ германскому типу, и съ точки зрѣнія этихъ двухъ системъ оцѣниваетъ различія въ ипотекахъ по другимъ законодательствамъ.

Весь трудъ г. Сопова распадается на четыре главы. Изъ нихъ въ первой онъ разсматриваетъ общія различія между римскою и новѣйшею ипотекой. Это различіе онъ прежде всего видитъ въ томъ, что въ Римѣ ипотека была простымъ обезпеченіемъ договора между частными лицами и лишена была всякаго общественнаго значенія, тогда какъ въ современномъ гражданскомъ обществѣ, въ виду потребностей кредита, ипотека получила совершенно иной характеръ института отчасти публичнаго, организо-

ваннаго на началахъ гласности и спеціальности, въ особенности строго проводимыхъ въ законодательствахъ германскаго типа, тогда какъ во французской ипотекѣ эти начала не выдерживаются вполнѣ послѣдовательно. Во второй главѣ авторъ излагаетъ различія въ возникновеніи ипотеки, останавливаясь прежде всего на различіи въ самомъ характерѣ ипотеки, затѣмъ въ предметѣ ея и въ способахъ ея установленія. Третья глава посвящена разсмотрѣнію различія въ дѣйствіи ипотеки. Въ ней авторъ сравниваетъ права должника и кредитора въ римской и современной ипотекахъ, способы защиты ипотечнаго права и переходъ его отъ одного лица къ другому и останавливается на различномъ разрѣшеніи въ той и другой ипотекахъ вопроса о старшинствѣ. Наконецъ въ четвертой и послѣдней главѣ римская ипотека сравнивается съ современной въ отношеніи порядка прекращенія ея.

При сравненіи римской ипотеки съ современными ипотечными законодательствами, авторъ вездѣ отдаетъ полное преимущество послѣднимъ какъ наиболѣе развитымъ и соотвѣтствующимъ потребностямъ гражданскаго оборота. Съ этой точки зрѣнія лучшимъ ипотечнымъ законодательствомъ представляются автору законодательства германскаго типа, какъ наиболѣе отрѣшившіяся отъ римскихъ началъ и лучше всего приспособленнымъ къ современному быту.

Книга г. Сопова, хотя и не представляетъ собою самостоятельнаго изслѣдованія, такъ какъ она составлена на основаніи нѣсколькихъ литературныхъ пособій, по преимуществу сочиненій Дернбурга [1]) и Тролона [2]), тѣмъ не менѣе заслуживаетъ вниманія того, кто пожелалъ бы ознакомиться въ краткомъ изложеніи съ существенными чертами института ипотеки. Нельзя, впрочемъ, не указать, что иногда авторъ не вполнѣ точно излагаетъ дѣйствующее законодательство. Напримѣръ, на стр. 71 и 72 имъ приведена статья

[1]) Dernburg, Das Pfandrecht nach den Grundsätzen des heutigen Römischen Rechts и Его же Lehrbuch des preussichen Privatrechts.
[2]) Troplong, Des privilèges et hypothèques.

1635 т. X, ч. I и изложена такъ, что будто бы по нашимъ законамъ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ вовсе воспрещается отдавать принадлежащую имъ землю въ залогъ участками менѣе восьми десятинъ, между тѣмъ какъ по тексту закона это ограниченіе установлено только для одного вида бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а именно, бывшихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ, земли которыхъ, полученныя ими въ собственность на основаніи указа 20 февраля 1803 года (20620), дѣйствительно не могутъ быть, согласно этому указу, при залогѣ раздробляемы на участки менѣе восьми десятинъ.

III.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО.

Бобровскій П. О. Преступленія противъ чести по русскимъ законамъ до начала XVIII вѣка (оттискъ изъ Журн. Гражд. и Угол. Права). Спб. — Бейтгилель Д. Популярные этюды объ исправительныхъ колоніяхъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Варшава. — Беккарія. О преступленіяхъ и наказаніяхъ, пер. Бѣликова. — Binswanger O. Сумашествіе и преступленіе, перев. подъ редакціей проф. П. Ковалевскаго. Харьковъ. — Владиміровъ Л. Е. Учебникъ русскаго уголовнаго права. Общая часть. Харьковъ. — Лопухинъ Б. А. Отчетъ правленія Ярославскаго Общества земледѣльческихъ колоній и исправительныхъ пріютовъ за 1885 годъ. Тоже за 1886 годъ. Ярославль. — Миклашевскій А. Н. Объ исправительныхъ пріютахъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Черниговъ. — Обзоръ дѣятельности Главнаго Тюремнаго Управленія. 1879—89. Спб. — Пустороелевъ П. Незамѣнимая саморасправа, какъ учрежденіе уголовнаго права, по ученію европейскихъ правовѣдовъ XVI — XVIII вѣка и упоминаемыхъ ими предшественниковъ, европейскихъ правовѣдовъ XII—XV вѣка. Москва.—

Его же. Подсудность арестантовъ и арестантокъ за уголовныя правонарушенія, учиненныя во время пребыванія въ заключеніи. Москва. — Фойницкій И. Я. Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ. Спб. — Щербаковъ А. Преступный человѣкъ. Врожденный преступникъ—нравственнопомѣшанный—эпилептикъ по Lombroso. Спб.

Книга профессора **И. Я. Фойницкаго** „Ученіе о **Наказаніи**" представляетъ собою подробный курсъ тѣхъ отдѣловъ общей части науки уголовнаго права, которые имѣютъ отношеніе къ наказанію и его примѣненію. Такимъ образомъ, она охватываетъ собою не только **тюрьмовѣдѣніе**— эту нынѣ выдѣляющуюся, въ виду обилія техническаго матеріала, спеціальную вѣтвь уголовной науки—но и многіе другіе вопросы общей части, касающіеся одинаково и наказанія и преступленія. Фактическій, равно какъ и литературный матеріалъ читатель найдетъ въ книгѣ въ достаточномъ количествѣ; за достоинство внутренней обработки ручается имя автора и его научная репутація. Независимо отъ матеріала и обработки, книга профессора Фойницкаго имѣетъ для русской науки особое значеніе, какъ воспроизводящая въ себѣ новѣйшую, недавно возникшую на западѣ, теорію наказанія—теорію борьбы съ личными условіями преступности.

Эта новѣйшая теорія **борьбы съ личными условіями преступности** находится въ близкомъ родствѣ съ изслѣдованіями, такъ называемой, антропологической школы и сложилась подъ сильнымъ вліяніемъ ея работъ, хотя и не въ формѣ безусловнаго подчиненія [1]). Типичнымъ, самостоятельнымъ представителемъ этой теоріи въ западной литературѣ является **Листъ**, кратко но въ полнотѣ изложившій

---

[1]) Для ближайшаго ознакомленія съ изслѣдованіями антропологической школы, кромѣ общихъ свѣдѣній, заключающихся въ „Лекціяхъ" Н. С. Таганцева и „Русскомъ Уголовномъ правѣ" Н. Д. Сергѣевскаго, можемъ рекомендовать желающимъ прекрасный трудъ Вульферта: Антрополого-позитивная школа уголовнаго права въ Италіи. Москва 1887.

ее въ своемъ учебникѣ (Liszt, Lehrbuch d. deutschen Strafrechts, изд. 1884) и продолжающій разработку отдѣльныхъ вопросовъ въ статьяхъ издаваемаго имъ журнала Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft. Конструкція, дѣлаемая Листомъ, можетъ вполнѣ разсматриваться, какъ communis opinio и даже прототипъ всего направленія. Другіе писатели, въ томъ числѣ и профессоръ Фойницкій, вполнѣ сходствуя въ общихъ положеніяхъ, расходятся между собою въ нѣкоторыхъ частностяхъ, имѣющихъ впрочемъ иногда, какъ увидимъ ниже, существенное значеніе для практической стороны дѣла.

Отправная точка всей теоріи есть организація наказанія какъ мѣры охраны общества отъ преступленій и преступниковъ (Schutztheorie). Такая охрана является конечнымъ основаніемъ всей карательной дѣятельности и источникомъ jus puniendi. Такимъ образомъ, эта теорія принадлежитъ, сообразно старой общеизвѣстной группировкѣ, къ категоріи **теорій относительныхъ**. Въ основныхъ своихъ чертахъ она состоитъ въ слѣдующемъ: стремясь къ охраненію общества отъ преступленій, наказаніе, по правиламъ раціональной медицины, должно поражать болѣзнь въ ея источникѣ. Источники или факторы преступленій, однако, весьма разнообразны; наказаніе можетъ бороться только съ одною группою ихъ. Всѣ **факторы преступности** сводятся къ слѣдующимъ тремъ группамъ: 1) **физическіе** или естественные, или космическіе, каковы: климатъ, температура временъ года, условія почвы и т. д. 2) общественные или **соціальные**, каковы: состояніе народнаго образованія, санитарныя условія, экономическія, лежащія въ условіяхъ администраціи и проч. 3) факторы **индивидуальные** разнаго рода, лежащіе въ личности преступника: темпераментъ, способность сдерживать свои непосредственныя побужденія, тѣ или другія привычки и т. п. Подчиняясь несомнѣнно воздѣйствію факторовъ естественныхъ и соціальныхъ, преступленіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ и отъ условій индивидуальныхъ. Эти послѣднія являются самостоя-

тельнымъ факторомъ преступности: не всякій украдетъ, когда онъ ѣсть хочетъ; иной украдетъ, когда онъ и сытъ совсѣмъ; третій предпочтетъ терпѣть величайшую нужду, но никогда не украдетъ и т. д. Борьба съ естественными условіями преступности невозможна; борьба съ соціальными факторами есть дѣло соціальной политики; борьба съ индивидуальными факторами есть задача карательной дѣятельности—орудіе борьбы есть наказаніе.

Если мы хотимъ, говоритъ далѣе эта теорія, пользоваться наказаніемъ, какъ средствомъ борьбы, то мы должны сообразовать его воздѣйствіе съ свойствами тѣхъ силъ, противъ которыхъ оно направляется, то-есть со свойствами и особенностями личныхъ факторовъ преступности. Личные факторы преступности распадаются въ свою очередь на три группы, которыя опредѣляютъ собою соотвѣтственно три класса нарушителей закона, а именно: личные факторы могутъ заключаться или а) въ біологическихъ особенностяхъ организма, устраняющихъ способность къ вмѣненію и превращающихъ преступника въ особый типъ людей физически и духовно дефектной организаціи — такъ называемые, **прирожденные преступники** (verbrecherische Jrre и delinquenti nati итальянской школы); или б) въ привычкѣ, образовавшей постоянную наклонность—**преступники привычки** или профессіональные; или наконецъ в) въ недостаткѣ волевыхъ сдерживающихъ стимуловъ—**преступники случайные**, совершающіе преступленія по случайнымъ поводамъ, каковы раздраженіе, дурной примѣръ и т. д. Преступники привычки, сообразно большей или меньшей твердости этого фактора, въ свою очередь дѣлятся на **исправимыхъ** и **неисправимыхъ**, то-есть такихъ, которые представляются безнадежными для мѣропріятій исправительныхъ, если не вообще и безусловно, то по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія нынѣ извѣстныхъ и возможныхъ способовъ исправленія. Преступники прирожденные не должны подлежать уголовной карѣ; эти лица, въ качествѣ невмѣняемыхъ, должны быть помѣщаемы въ особыя **заведенія для**

душевно-больныхъ. Борьба посредствомъ наказанія распространяется на преступниковъ привычки неисправимыхъ, преступниковъ привычки исправимыхъ и преступниковъ случайныхъ. Для первыхъ наказаніе должно являться мѣрою **обезпеченія** отъ нихъ общества, посредствомъ лишенія ихъ возможности вредить, механическаго захвата и задержанія и какъ бы искусственнаго отсѣченія отъ общества (Unschädlichmachung, Sequestrierung, Selektion). Для вторыхъ — наказаніе есть мѣра **исправленія**; для третьихъ — **устрашенія**. „Unschädlichmachung der Unverbesserlichen, Besserung der Besserungsfähigen, Abschreckung der Gelegenheitsverbrecher das ist das kurze aber inhaltsreiche Programm" — заключаетъ свою конструкцію Листъ (Liszt, Lehrb. стр. 8).

Что касается до ближайшаго опредѣленія наказаній по роду ихъ, то эта теорія борьбы, очевидно, не можетъ быть очень разборчива въ средствахъ уголовной кары, если желаетъ оставаться послѣдовательной. Такого рода цѣли, какъ обезпеченіе общества отъ преступниковъ — это Unschädlichmachung — или устрашеніе самымъ выполненіемъ наказанія, не могутъ быть достигаемы мягкими мѣрами. Поэтому понятно, что суровость предлагаемыхъ каръ есть общая черта большинства ученій изложеннаго направленія. Такъ, Листъ, ни мало не уклоняясь отъ послѣдовательнаго проведенія принятыхъ имъ основныхъ принциповъ, прямо говоритъ, что „смертная казнь должна считаться необходимой (unentbehrlich) до тѣхъ поръ, пока тюремное заключеніе не сдѣлается дѣйствительно устрашающимъ и обезпечивающимъ. Лишь реформа тюремнаго дѣла — но не въ смыслѣ реформаторовъ, нынѣ дающихъ ему тонъ (heute tonangebenden Reformatoren) — можетъ привести вопросъ о смертной казни къ удовлетворительному разрѣшенію", замѣчаетъ онъ (Lehrb., стр. 236). Онъ допускаетъ и тѣлесное наказаніе, въ качествѣ дисциплинарнаго наказанія для лицъ, отбывающихъ заключеніе въ тюрьмахъ, а равно для малолѣтнихъ преступниковъ (Lehrb., стр. 237). Повторяемъ, большинство писателей этой школы открыто дѣ-

лаетъ всѣ, вытекающіе изъ ихъ теоріи, практическіе выводы. „Мы должны отказаться, говорятъ они, отъ современныхъ сантиментальныхъ отношеній къ преступнику, которыми заражены наши криминалисты“ и т. д.

Наоборотъ, другіе писатели, принимая тѣ же основанія и выдвигая тѣ же цѣли карательной дѣятельности, уклоняются отъ этихъ, казалось бы, неизбѣжныхъ практическихъ выводовъ: ограничиваютъ карательныя мѣры однимъ тюремнымъ заключеніемъ и даже организацію этого послѣдняго подчиняютъ, почти исключительно, гуманнымъ соображеніямъ разнаго рода; отказываются признать категорію неисправимыхъ преступниковъ, въ связи съ чѣмъ всѣ наказанія получаютъ у нихъ какъ бы общую, неопредѣленную окраску исправительно-воспитательныхъ мѣропріятій; уклоняются отъ сколько-нибудь опредѣленныхъ, положительныхъ съ своей стороны указаній по такимъ вопросамъ, при разрѣшеніи которыхъ трудно удержаться на почвѣ мягкосердой гуманности (напр. по вопросу о дисциплинарныхъ наказаніяхъ въ тюрьмахъ) и т. п. Весьма грѣшатъ такою непослѣдовательностью нѣкоторые писатели; не свободенъ отъ нея и профессоръ Фойницкій въ его книгѣ.

Принадлежа къ категоріи относительныхъ теорій, изложенная теорія наказанія, заключаетъ въ себѣ и основной недостатокъ послѣднихъ: она оставляетъ всю государственную карательную дѣятельность безъ почвы и основанія въ томъ случаѣ, когда жизнь возбудитъ сомнѣніе въ достижимости предлагаемыхъ задачъ и цѣлей наказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ теорія борьбы представляетъ собою построеніе идеалистическое въ томъ смыслѣ, что игнорируетъ принципъ **исторической измѣнчивости наказанія**, въ силу котораго каждое государство въ каждую данную эпоху посвоему организуетъ наказаніе, приспособляя его къ тѣмъ или другимъ спеціальнымъ цѣлямъ и полезностямъ, сообразно условіямъ мѣста и времени, силамъ и средствамъ государственнаго управленія; теорія борьбы даетъ разъ навсегда законченную программу, всякое отступленіе отъ

которой представляется не болѣе, какъ ошибкою и уклоненіемъ съ правильнаго пути. Конечно, ставя разомъ три спеціальныя цѣли наказанія—обезпеченіе, устрашеніе, исправленіе—сообразно тремъ категоріямъ преступниковъ, теорія борьбы устраняетъ односторонность моническихъ относительныхъ теорій, выдвигавшихъ исключительно одну какую-либо спеціальную цѣль; но тѣмъ не менѣе и эти три цѣли являются произвольно взятыми изъ числа всѣхъ тѣхъ спеціальныхъ цѣлей, которымъ можетъ служить и дѣйствительно служило наказаніе въ его исторіи.

Независимо отъ этихъ дефектовъ въ общихъ основаніяхъ теоріи, основной моментъ внутренняго ея содержанія—**классифація преступниковъ**—представляется далеко не устойчивымъ: большинство писателей дѣлитъ преступниковъ на три, указанные выше, класса; другіе—на четыре и на два. Мало того, признаки дѣленія взяты неправильно, такъ какъ они между собою не однородны и неравнозначительны: признакъ, опредѣляющій случайнаго преступника, можетъ имѣть мѣсто и по отношенію къ лицу, имѣющему всѣ признаки преступника профессіональнаго и даже прирожденнаго, такъ какъ по случайному поводу можетъ совершить отдѣльное преступленіе всякій, каковъ бы онъ ни былъ съ точки зрѣнія другихъ признаковъ. Такимъ образомъ, категорія случайныхъ преступниковъ теряетъ всякое самостоятельное значеніе: случайными преступниками въ дѣйствительности окажутся всѣ тѣ, относительно которыхъ не будетъ доказанъ ни признакъ привычки, ни признакъ прирожденности, а между тѣмъ для нихъ—для случайныхъ преступниковъ, и только для нихъ—предназначаются спеціальныя карательныя мѣры, направленныя къ устрашенію. Столь же неустойчиво дѣленіе исправимыхъ и неисправимыхъ: признакъ дѣленія лежитъ въ понятіи исправленія, а это понятіе опредѣляется писателями весьма различно; затѣмъ, исправимость, очевидно, узнается по послѣдствіямъ, между тѣмъ теорія борьбы желаетъ опредѣлить ее заблаговременно. Не въ лучшемъ по-

ложеніи оказывается грань между преступниками прирожденными и профессіональными разряда неисправимыхъ: если мы подъ неисправимыми будемъ понимать неисправимыхъ безусловно (см. выше), то сколько-нибудь опредѣленной разницы между ними и прирожденными не найдемъ.

Въ результатѣ получается такая же неустойчивость и въ дѣлѣ ближайшаго опредѣленія принимаемыхъ теоріей цѣлей наказанія, а слѣдовательно и организаціи карательныхъ учрежденій. Тюремныя учрежденія, предназначаемыя для „Sequestrierung“ и „Uschädlichmachung“ неисправимыхъ преступниковъ, едва-ли могутъ во многомъ отличаться отъ заведеній для прирожденныхъ преступниковъ. Устрашеніе и исправленіе отдѣльными писателями опредѣляются различно, такъ что эти понятія иногда сливаются, иногда противополагаются. Такъ, профессоръ Фойницкій относитъ къ исправленію то, изъ чего Листъ образуетъ понятіе устрашенія, а именно, возбужденіе мотивовъ эгоистическихъ сдерживающихъ, въ противоположность альтруистическимъ и т. д.

Такова новѣйшая теорія наказанія, какъ борьбы съ личными факторами преступленій въ ея основаніяхъ, внутреннемъ построеніи и практическихъ выводахъ. Возникшая очень недавно, она въ немногіе годы своего существованія пріобрѣла множество сторонниковъ, притомъ сторонниковъ, убѣжденныхъ чуть не до фанатизма. Несомнѣнно, что она является плодомъ весьма глубокой и могучей конструктивной идеи, далеко оставляющей за собою и первичныя программы антропологической школы, и тѣ малоопредѣленныя, неясныя ученія, которыя возлагаютъ на уголовное право не только борьбу съ личными, но и борьбу съ соціальными факторами преступности, выдвигая эту послѣднюю даже на первый планъ — ученія, нашедшія себѣ выраженіе, какъ извѣстно, и въ нашей литературѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта новѣйшая теорія заключаетъ въ себѣ одну черту, которая придаетъ ей особую увлекательность и, такъ сказать, захватывающую силу: отъ широчайшихъ представле-

ній о космическихъ вліяніяхъ на дѣятельность человѣка, отъ столь же широкихъ разсужденій о связи соціальнаго строя съ преступностью и объ отношеніяхъ послѣдней къ біологическимъ особенностямъ организма, она непосредственно переходитъ къ практическимъ выводамъ, къ опредѣленію, иногда даже мельчайшихъ, техническихъ подробностей тюремнаго устройства. Этимъ свойствомъ также отличались, въ свое время, многія, нынѣ совсѣмъ забытыя, но когда-то имѣвшія массы восторженныхъ приверженцевъ, теоріи — френологовъ, психіатровъ и т. д. Въ немногіе годы онѣ достигали величайшей славы и столь же быстро падали. Для людей, въ особенности склонныхъ къ увлеченію всякой новинкой, такія теоріи представляютъ величайшій соблазнъ и величайшую привлекательную силу.

Энергическіе представители новой теоріи—Листъ, Гамель, Принсъ — основали въ прошломъ году „**Международный союзъ уголовнаго права**“ для теоретической разработки и проведенія въ жизнь началъ новаго ученія. Профессоръ Фойницкій значится въ числѣ членовъ этого союза. Всѣ члены обязываются принять основныя положенія воззрѣній на наказаніе, изложенныя въ особой программѣ. Союзъ имѣетъ свой литературный органъ: „Mitteilungen der Internationalen kriminalistischen Vereinigung“ — „Bulletin de l'Union Internationale de Droit Pénal“.

Пожелаемъ, въ заключеніе, всякаго успѣха этимъ дѣятелямъ науки, послѣдовательно и искренно трудящимся на пользу общественную. Пожелаемъ того же и книгѣ профессора Фойницкаго въ частности. Въ каждой теоріи и въ каждой практической программѣ бываютъ ошибки; несвободна отъ нихъ и теорія борьбы съ личными факторами преступности. Но несомнѣнно, что она представляетъ собою новый и крупный лучъ свѣта въ области человѣческаго вѣдѣнія.

IV.

СУДОПРОИЗВОДСТВО И СУДОУСТРОЙСТВО.

Вербловскій Г. Движеніе русскаго гражданскаго процесса, изложенное въ одномъ примѣрѣ. 2-е изданіе. Спб. — Дерюжинскій Н. Отводы и возраженія по русскому гражданскому процессу. Спб. — Джаншіевъ Г., С. И. Зарудный и судебная реформа. Историко-біографическій очеркъ. Москва. — Дьяченко С. Инструкція для опекуновъ и попечителей, назначаемыхъ сиротскими судами. Казань. — Кони А. Ѳ. Судебныя рѣчи 1868—1888. Обвинительныя рѣчи. Руководящія напутствованія присяжнымъ. Кассаціонныя заключенія. Изд. 2-е. Спб. 1890. — Коншинъ Ю. А. Объ отвѣтственности за лѣсныя нарушенія и о порядкѣ привлеченія къ оной. Спб. — Луканинъ А., протоіерей. Руководство къ производству дознаній и слѣдствій о проступкахъ и преступленіяхъ священно-церковно-служителей противъ должности, благочинія и благоповеденія, а также о событіяхъ браковъ и рожденій, незаписанныхъ или неправильно записанныхъ въ метрикахъ. Изд. 6-е, Пермь.— Макалинскій П. С. Петербургская присяжная адвокатура. Дѣятельность С.-Петербургскаго Совѣта и Общихъ Собраній за 22 года (1866—88 гг.). Спб. — Муравьевъ Н. В. Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности. Томъ первый. Прокуратура на Западѣ и въ Россіи. Москва. — Оксъ М. А. О публичности или гласности суда. Чтеніе въ годичномъ публичномъ засѣданіи Одесскаго Юридическаго Общества 12 марта 1888. Одесса. — Тальбергъ Д. Г. проф., Русское уголовное судопроизводство. Пособіе къ лекціямъ. Томъ I. Кіевъ. — Филипповскій А. Краткое руководство для защиты дѣлъ духовнаго вѣдомства на судѣ гражданскомъ. Варшава. — Фуксъ В. Судъ и полиція. Москва. — Цитовичъ Н. Кому и какъ судить частный искъ ex delicto? Кіевъ. — Шершеневичъ Г. Замѣчанія на проектъ устава о несостоятельности. Казань.—

Эргардтъ Ф. Экспертиза о насильственной смерти капитана Гиждеу (убійство или самоубійство). Харьковъ.

Второе изданіе сборника **А. Ѳ. Кони „Судебныя Рѣчи“** помѣчено на обложкѣ 1890 годомъ; но книга въ дѣйствительности вышла въ свѣтъ въ концѣ 1889 года. Это послѣднее обстоятельство даетъ намъ поводъ, не выжидая слѣдующей очередной хроники, въ которую войдутъ изданія первой четверти текущаго года, нынѣ же, въ составѣ хроники, посвященной прошедшему году, сказать нѣсколько словъ объ этомъ прекрасномъ сборникѣ. Многіе читатели, конечно, уже знакомы съ нимъ по первому изданію; второе заключаетъ въ себѣ пятнадцать обвинительныхъ рѣчей, три руководящихъ напутствія присяжнымъ, восемь заключеній оберъ-прокурора, рѣчь о Достоевскомъ какъ криминалистѣ, рѣчь о К. Д. Кавелинѣ, слово, сказанное на могилѣ профессора Н. И. Крылова въ 1879 году, и сверхъ того указатель предметный и указатель статей закона, нашедшихъ себѣ толкованіе въ рѣчахъ. Обвинительнымъ рѣчамъ и напутствіямъ предпосылается сжатое изложеніе существенныхъ обстоятельствъ дѣла. Прекрасный языкъ рѣчей, полный живыхъ поэтическихъ образовъ, безукоризненная стройность и послѣдовательность выводовъ, цѣльность всѣхъ картинъ, отсутствіе всякаго рода излишествъ дѣлаютъ эти рѣчи образцомъ **судебно-ораторскаго искусства**. Въ нихъ виденъ не только искусный стилистъ, не только умѣлый діалектикъ, но человѣкъ, глубоко сознающій все высокое достоинство судебнаго дѣятеля. „Non posse oratorem esse, nisi bonum virum“, сказалъ еще Квинтилліанъ. Мы можемъ рекомендовать этотъ сборникъ, какъ лучшее руководство всѣмъ вступающимъ на широкое поле судебной практики, притомъ руководство наглядное и живое. Не подражать этимъ рѣчамъ, конечно, должны судебные дѣятели — ораторы подражатели знаменитымъ образцамъ не нами еще названы „servorum pecus“ — но учиться умѣнью облекать и фактическія, и юридическія данныя въ убѣдительную, яр-

кую и полную достоинства форму. Значеніе сборника А. Ѳ. Кони этимъ не исчерпывается: онъ заключаетъ въ себѣ отличный матеріалъ для ученія о пользованіи **уголовно-судебными доказательствами**. Предпосылаемое рѣчамъ изложеніе существенныхъ обстоятельствъ дѣла имѣетъ именно такое значеніе: сопоставляя обстоятельства дѣла съ произнесенною рѣчью, читатель наглядно видитъ, какъ должны быть комбинируемы отдѣльные доказательственные признаки, какую силу можетъ имѣть каждый изъ нихъ, самъ по себѣ, казалось бы, незначительный. Не только ораторъ, но и судебный слѣдователь найдетъ здѣсь, чему поучиться.

Вышедшій пока I-й томъ сочиненія **Н. В. Муравьева о прокурорскомъ надзорѣ** заключаетъ въ себѣ введеніе, части 1 и 2 и библіографическій указатель. Во введеніи авторъ опредѣляетъ значеніе прокуратуры: „неустанно бороться со зломъ, выразившемся въ правонарушеніи, говоритъ онъ, вести эту борьбу прямо и открыто, законными средствами и на виду у всѣхъ, во всеоружіи должностной власти, и при этомъ дѣйствовать безлично и безстрастно, во имя равнаго для всѣхъ закона и общаго всѣмъ блага—таково высокое назначеніе прокуратуры, вполнѣ достойное общаго уваженія" (стр. 33).

Первая часть (главы I—V) трактуетъ о прокуратурѣ въ западной Европѣ, причемъ изложенію современнаго ея состоянія предпосланъ подробный историческій очеркъ постепеннаго развитія прокурорскаго учрежденія. Авторъ съ особенною подробностью останавливается на исторіи французской прокуратуры, какъ послужившей прототипомъ для остальной континентальной Европы.

Вторая часть посвящена русскому прокурорскому надзору. Въ первыхъ трехъ главахъ этой части (VI—VIII) излагается историческій очеркъ въ послѣдовательномъ порядкѣ трехъ періодовъ: прокурорскій надзоръ отъ Петра Великаго до Екатерины II, отъ Екатерины II до изданія Свода Законовъ и, наконецъ, по Своду Законовъ. Учрежденіе прокурорскаго надзора въ Россіи при Петрѣ Великомъ авторъ

связываетъ съ посѣщеніемъ великимъ преобразователемъ 19 іюля 1717 года общаго собранія Парижскаго парламента, въ которомъ главную часть засѣданія составляло устное заключеніе (requisitoire) занимавшаго прокурорское мѣсто генералъ-адвоката де-Ламуаньона. Затѣмъ, въ главѣ IX изложена прокуратура при судебной реформѣ Императора Александра II; въ главѣ X сдѣланъ обзоръ прокурорскаго надзора послѣ судебной реформы и, наконецъ, въ главѣ XI сведены общія основанія дѣятельности и задачъ современнаго прокурорскаго надзора. Въ библіографическомъ указателѣ помѣщены: 1) сочиненія, спеціально посвященныя прокурорскому учрежденію, и 2) общія руководства и изслѣдованія, въ которыхъ ученія о немъ излагаются съ большею или меньшею подробностью.

Основной вопросъ прокурорскаго учрежденія о томъ, должно ли оно въ своей обвинительной дѣятельности руководствоваться единственно **началомъ законности** (Legalitätsprincip) или также и **началомъ цѣлесообразности** (Opportunitätsprincip) разрѣшается авторомъ въ смыслѣ допущенія второго начала. „Живой органъ государственной власти, говоритъ онъ, ея именемъ отстаивающій передъ судомъ справедливые интересы общества и правительства, прокуроръ обязанъ сообразоваться съ ними, а они практическою силою вещей, рядомъ съ началомъ законности выдвигаютъ начало умѣстности и цѣлесообразности“ (стр. 17). При разсмотрѣніи современнаго русскаго прокурорскаго надзора авторъ, желая придать своему труду характеръ практическаго пособія для прокурорской службы, почти не касается вопросовъ de lege ferenda; прокурорскій надзоръ изображается такъ, какъ онъ есть и чѣмъ онъ долженъ быть, но лишь при данныхъ общественныхъ условіяхъ и въ предѣлахъ даннаго законодательства. Вся книга Н. В. Муравьева написана хорошимъ языкомъ, читается съ большимъ интересомъ и представляетъ собою весьма полезный трудъ.

Первый томъ учебника **уголовнаго судопроизводства** профессора **Д. Г. Тальберга** заключаетъ въ себѣ введеніе

къ курсу и первую часть, содержащую въ себѣ ученіе о судоустройствѣ. Во введеніи излагаются: элементарныя понятія о сущности уголовнаго процесса, основныя начала уголовнаго процесса въ историческомъ развитіи, историческій очеркъ и общія начала современнаго русскаго уголовнаго судопроизводства, источники процессуальнаго права. Ученіе о судоустройствѣ заключаетъ въ себѣ: общее ученіе о судебной власти; замѣщеніе судебныхъ должностей; условія судебной службы; организація и система судебныхъ установленій; прокуратура и адвокатура. Элементарный по содержанію, учебникъ профессора Тальберга изложенъ сжато и по формѣ своей усвоивается съ большою легкостью, такъ что учебная цѣль изданія можетъ быть вполнѣ и съ успѣхомъ достигнута.

Изданное г. **Горановскимъ**, руководство для **судебныхъ слѣдователей** представляетъ собою сводъ **практическихъ** правилъ и указаній, какъ долженъ поступать судебный слѣдователь въ тѣхъ или другихъ случаяхъ. Правила эти выводятся авторомъ изъ сенатскихъ разъясненій, циркуляровъ министерства юстиціи и собственнаго толкованія закона. Авторъ не вдается въ критическую оцѣнку закона, не приводитъ мнѣній, высказывавшихся по поводу того или другого вопроса въ литературѣ, и свои собственныя сужденія по немногимъ вопросамъ излагаетъ обыкновенно очень кратко. Трудъ его является вслѣдствіе этого чисто практическимъ и не безполезнымъ для слѣдственной практики, въ особенности для слѣдователей начинающихъ.

V.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Бердниковъ И. С., проф. Дополненіе къ краткому курсу церковнаго права православной Греко-Россійской церкви. Казань.—Брайсъ Д. Американская республика. Въ 2-хъ

частяхъ. Часть 1. Національное правительство. Перев. съ англ. К. Н. Невѣдомскаго. Москва. — Дьяконовъ М. Власть Московскихъ Государей. Историческіе очерки. Спб. — Егіазаровъ С. Изслѣдованія по исторіи учрежденій въ Закавказьѣ. Ч. 1. Сельская община. Казань.— Ивановскій И. Взаимное содѣйствіе государствъ въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ. Одесса. — Его-же: О подготовкѣ лицъ, посвящающихъ себя консульской карьерѣ, и роли въ этомъ отношеніи высшихъ коммерческихъ школъ. Одесса.—Его-же: Собраніе дѣйствующихъ договоровъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, т. II. Одесса.—Мейеръ Г. Государственныя административныя учрежденія Англіи, Франціи, Германіи, и Австріи. Пер. съ нѣм. П. Шеймина. Одесса.—Суворовъ Н. Курсъ церковнаго права, т. I. Ярославль.—Церетелевъ Д., кн. Нужна ли реформа мѣстнаго управленія. Москва.—Шейминъ П. Полицейская борьба съ нарушителями общественной безопасности по германскому праву. Одесса.—Штиглицъ А. Изслѣдованіе о началахъ: политическаго равновѣсія, легитимизма и національности, ч. 1-я. Начало равновѣсія. Спб.—Эйхельманъ О. Введеніе въ систему международнаго права, вып. 1-й. Кіевъ.—Его-же: Христоматія русскаго международнаго права. Ч. 2. Кіевъ.

Собственно по догмѣ государственнаго права въ истекшемъ году не появилось сколько-нибудь выдающихся сочиненій на русскомъ языкѣ. Мы остановимся только на книгѣ проф. **Энгельмана**: Das Staatsrecht des Russischen Reiches. Freiburg in B. 1889. Быть можетъ, читателю покажется нѣсколько страннымъ упоминаніе въ обзорѣ русской литературы о книгѣ, изданной на нѣмецкомъ языкѣ и притомъ въ Германіи. Однако книга эта по многимъ основаніямъ можетъ быть включена въ нашъ обзоръ: она даетъ изложеніе **русскаго государственнаго права**; она принадлежитъ перу профессора русскаго университета; основа-

ніемъ ей очевидно послужилъ курсъ, читанный авторомъ дерптскимъ студентамъ — русскимъ же людямъ, гражданамъ русскаго государства.

Произведеніе проф. Энгельмана входитъ въ составъ четвертаго тома издаваемаго Марквардсеномъ **Handbuch des öffentlichen Rechts**, представляющаго собою обширный сборникъ отдѣльныхъ очерковъ государственнаго права европейскихъ, американскихъ и даже нѣкоторыхъ азіатскихъ государствъ. Очерки эти принадлежатъ перу различныхъ авторовъ. Многіе изъ нихъ довольно обширны. Въ настоящее время уже появились очерки государственнаго права всѣхъ германскихъ государствъ и кромѣ того Австро-Венгріи, Швейцаріи, Голландіи, Люксамбурга, Франціи, Италіи, Испаніи, Даніи, Швеціи-Норвегіи, Соединенныхъ Штатовъ и Россіи съ Финляндіей, въ изложеніи Мехелина.

Объемъ курса проф. Энгельмана небольшой: всего 15 листовъ, правда, большаго формата. Поэтому онъ имѣетъ характеръ небольшаго учебника. Тѣмъ не менѣе появленіе его не можетъ не обратить на себя вниманія уже потому, что послѣ книги Дюгамеля, вышедшей въ 1833 году, это первый законченный курсъ русскаго государственнаго права. Русское государственное право проф. Андреевскаго остановилось на первомъ томѣ, содержащемъ лишь общее теоретическое введеніе и ученіе о правительствѣ. Проф. Романовичъ-Славатинскій въ своемъ „Пособіи" не пошелъ дальше изложенія организаціи центральныхъ учрежденій, а въ своей „Системѣ русскаго государственнаго права" ограничился пока изложеніемъ однихъ лишь основныхъ законовъ. Даже прекрасный трудъ покойнаго А. Д. Градовскаго, обнявшій изложеніе большинства вопросовъ нашего государственнаго права, остался незаконченнымъ: въ немъ нѣтъ изложенія крестьянскаго, земскаго и городскаго общественнаго управленія. Книга проф. Энгельмана представляетъ, напротивъ, вполнѣ законченное изложеніе русскаго государственнаго права. Она отличается сравни-

тельно большей полнотой еще и въ томъ отношеніи, что авторъ внесъ и изложеніе особенностей законодательства, дѣйствующаго въ губерніяхъ прибалтійскихъ, привислянскихъ и другихъ, управляемыхъ на особыхъ основаніяхъ, чего нѣтъ ни въ одномъ изъ существующихъ на русскомъ языкѣ руководствъ по государственному праву Россіи.

Система изложенія у профессора Энгельмана довольно обычная въ нѣмецкихъ учебникахъ государственнаго права. Послѣ коротенькаго очерка историческаго развитія нашей государственной организаціи и небольшой, въ двухъ-трехъ словахъ, характеристики государственно-правоваго характера русской имперіи слѣдуетъ разсмотрѣніе трехъ элементовъ государственнаго общенія: власти, территоріи, подданныхъ. Затѣмъ идетъ изложеніе организаціи управленія и его задачъ и въ заключеніе излагается организація управленія въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи, въ области Войска Донскаго, въ остзейскомъ краѣ и въ губерніяхъ бывшаго царства Польскаго. Разсмотрѣніе задачъ управленія заставляетъ автора внести въ свое изложеніе и то, что у насъ обыкновенно относится къ полицейскому праву.

Въ этихъ рамкахъ авторъ даетъ сжатое, но обстоятельное описаніе нашего государственнаго порядка, но именно только описаніе. Авторъ не задается научнымъ выясненіемъ вопросовъ русскаго государственнаго права. Его цѣль только дать короткое, но ясное изображеніе нашего государственнаго устройства и управленія, и эту свою задачу онъ выполнилъ вполнѣ успѣшно. Остается только пожелать, чтобы его трудъ былъ изданъ и на русскомъ языкѣ.

Отмѣтимъ одинъ трудъ по международному праву. **Ивановскій**, приватъ-доцентъ Новороссійскаго университета, въ своемъ изслѣдованіи „**взаимное содѣйствіе государствъ въ производствѣ слѣдствій** по дѣламъ уголовнымъ“ ставитъ себѣ задачей: 1) изложить исторію вопроса; 2) дать догматическое изложеніе началъ права, сюда относящихся, и 3) „пользуясь работами предшествовавшихъ писателей“, подвергнуть критическому анализу существующія поста-

новленія конвенцій и законовъ. Согласно съ этимъ, все сочиненіе его раздѣляется на два обзора: историческій (стр. 11—63) и критико-догматическій.

Начало **исторіи** изслѣдуемаго института авторъ относитъ къ международнымъ договорамъ XVII в. (русскіе договоры: Столбовскій 1617 г., Кардисскій 1661 г.) и первой половины XVIII (западно-европейскіе договоры: конвенція между Испаніей, Франціей и Голландскими штатами о выдачѣ дезертировъ 1718 г. и др.); въ этихъ договорахъ государства взаимно обязывались выдавать бѣглыхъ преступниковъ и солдатъ вмѣстѣ съ награбленными или унесенными ими вещами, которыя могли служить доказательствомъ преступленій. Со второй половины XVIII в. обязанность взаимной судебно-слѣдственной помощи государствъ развивается почти исключительно въ конвенціяхъ о выдачѣ преступниковъ, въ постановленіяхъ о присылкѣ однимъ государствомъ другому слѣдственныхъ актовъ по уголовнымъ дѣламъ, свидѣтелей, объ очныхъ ставкахъ преступниковъ, и именно главнымъ образомъ въ конвенціяхъ между итальянскими государствами и между ними и Австріей, а также между нѣмецкими государствами, членами Имперіи. Тоже надо сказать и о XIX вѣкѣ: выдача преступниковъ и уголовно-слѣдственная помощь государства идутъ рука объ руку, являясь видами одного и того же порядка—международной судебно-уголовной помощи.

Изъ законовъ первыми, по времени и подробности постановленій по разсматриваемымъ дѣламъ, авторъ считаетъ „Constitutio criminalis Theresiana“ 1768 г. и Reglement provisionnel pour la procédure criminelle dans les Pays-Bas Autrichiens 1787 г. Приведя выдержки изъ этихъ актовъ авторъ, не продолжая разсмотрѣнія въ преемственномъ порядкѣ законодательныхъ актовъ разныхъ странъ, ограничивается только указаніемъ, что „въ XIX вѣкѣ, вплоть до нашихъ дней, слѣдуетъ цѣлый рядъ законовъ, въ которыхъ довольно часто говорится о сношеніяхъ судовъ данной страны съ судами иностранными относительно взаимнаго

содѣйствія въ производствѣ слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ", и затѣмъ излагаетъ содержаніе законовъ, какъ отмѣненныхъ, такъ и дѣйствующихъ. Матеріалъ, приводимый авторомъ въ ссылкахъ къ тексту историческаго обзора, весьма обширенъ и разнообразенъ. Приходится только пожалѣть, что богатство это осталось неразработаннымъ. Исторія вопроса сведена къ простой передачѣ содержанія отдѣльныхъ договоровъ и законодательныхъ нормъ.

Критико-догматическая часть изслѣдованія начинается съ „общихъ замѣчаній о юридической природѣ взаимнаго содѣйствія государствъ и о юридическихъ нормахъ, опредѣляющихъ его". „Безъ международнаго договора, говоритъ авторъ, нѣтъ юридической обязанности державъ исполнять взаимныя судебныя порученія". Однако, онъ тутъ же прибавляетъ, что „и помимо трактатовъ, въ виду взаимнаго интереса, государства постоянно оказываютъ другъ другу помощь въ дѣлѣ производства суда. Но дѣлаютъ это они не вслѣдствіе обязанности, а лишь пользуются своимъ правомъ" (стр. 65).

Въ изложеніи отдѣльныхъ вопросовъ авторъ всегда точенъ, держится строго положительнаго права и въ критикѣ дѣйствующихъ законоположеній умѣло находитъ практическое рѣшеніе спорныхъ вопросовъ. Такъ, въ спорѣ о преимуществахъ **передачи судебныхъ порученій** дипломатическимъ путемъ или путемъ непосредственныхъ сношеній судебныхъ мѣстъ, авторъ отдаетъ предпочтеніе первому въ случаѣ отсутствія конвенціи между данными государствами, и второму — при наличности конвенцій, которыя должны избирать этотъ способъ, какъ наиудобнѣйшій и скорѣйшій. Въ критикѣ положеній дѣйствующаго права объ условіяхъ, при которыхъ можетъ быть **отказано въ исполненіи** судебно-слѣдственныхъ порученій, авторъ подробно останавливается на разныхъ случаяхъ такого отказа и защищаетъ требованіе, чтобы исполненіе порученія не нарушало прежде всего законовъ страны, къ которой адресовано порученіе, а такъ какъ „центръ тяжести" лежитъ въ этихъ законахъ,

то признаетъ желательнымъ, во 1-хъ, чтобы они касались этого вопроса и не оставляли на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній и, во 2-хъ, примиряли бы интересы данной державы съ интересами международнаго общенія. Въ главѣ V обстоятельно разсматриваются отдѣльные виды порученій.

Первый томъ курса **Церковнаго Права** Профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея **Н. С. Суворова** представляетъ собою несомнѣнно выдающееся въ нашей юридической литературѣ явленіе. По плану автора, предположенный имъ къ изданію, полный курсъ церковнаго права имѣетъ содержать въ себѣ слѣдующія части: 1) историческій очеркъ развитія церковнаго устройства, 2) историческій очеркъ развитія источниковъ церковнаго права, 3) догматическое изложеніе церковнаго устройства, 4) церковное управленіе и 5) внѣшнія отношенія церкви. Въ первомъ томѣ изложены: „Введеніе" (стр. 1—19), въ которомъ разъясняются понятія о религіи и церкви въ ихъ отношеніяхъ къ праву и въ значеніи предмета права, и сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о наукѣ церковнаго права; далѣе „историческій очеркъ развитія церковнаго устройства" (стр. 20—198) и въ остальной половинѣ книги—„историческій очеркъ развитія источниковъ церковнаго права" (стр. 199 — 369). Тотъ и другой историческій очеркъ — довольно полный; каждый распредѣленъ въ шести главахъ. Авторъ курса излагаетъ **исторію церковнаго устройства** и **источниковъ права** какъ вселенской церкви въ теченіе первыхъ девяти вѣковъ, такъ и церквей римско-католической, евангелическихъ, православныхъ автокефальныхъ и въ особенности, съ большею противъ прочихъ подробностію, русской православной. Исторію источниковъ права въ русской церкви авторъ заключаетъ указаніемъ и выясненіемъ юридическаго значенія „практическихъ источниковъ церковнаго права въ Россіи". Изданный томъ „Курса" представляетъ первый опытъ въ нашей литературѣ изложенія церковнаго права, какъ самостоятельной отрасли правовѣдѣнія, а не богословской науки, по пріемамъ, принятымъ

юристами. Онъ можетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ къ изученію и указателемъ къ дальнѣйшей разработкѣ исторіи церковнаго устройства и развитія источниковъ права церкви. Представленный въ курсѣ очеркъ устройства и развитія права церкви изложенъ ясно и въ довольно цѣльномъ и значительно полномъ объемѣ, снабженъ многочисленными указаніями на первоисточники и литтературу, въ большей части утверждается на новѣйшихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обоснованъ и на собственныхъ изысканіяхъ и соображеніяхъ автора. Встрѣчаются въ очеркѣ оригинальныя въ научномъ отношеніи положенія автора и между ними такія, которыя могутъ быть оспариваемы или требуютъ дальнѣйшаго, подробнѣйшаго изслѣдованія и чрезъ то должны содѣйствовать оживленію литературы церковнаго права и церковно-юридическаго сознанія въ Россіи.

И первый томъ „Курса“ профессора Суворова, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ дать толчекъ къ дальнѣйшей разработкѣ исторіи церковнаго права въ Россіи; но все значеніе изданнаго тома выяснится съ появленіемъ въ печати „Курса“ въ полномъ составѣ. Привѣтствуя появленіе въ печати перваго тома, желаемъ автору не менѣе удачнаго продолженія начатаго труда.

Въ заключеніе нельзя не остановиться на книгѣ **М. А. Дьяконова „Власть Московскихъ Государей“**, представленной имъ для полученія степени магистра государственнаго права. Цѣль очерковъ г. Дьяконова, какъ самъ онъ выразился на диспутѣ, совершенно спеціальная: рельефнѣе отмѣтить значеніе одной изъ причинъ, вліявшихъ на возникновеніе извѣстнаго типа власти въ Москвѣ, а именно—обстоятельнѣе указать, чѣмъ одухотворялась эта возрастающая власть и въ какой мѣрѣ вліяли на ея характеръ церковныя и политическія отношенія Руси къ Византіи. При разсмотрѣніи вопроса о развитіи власти московскихъ государей, по мнѣнію г. Дьяконова, можно различать двѣ точки зрѣнія: съ одной стороны могутъ быть изслѣдуемы причины, вліявшія на объединеніе Руси и на усиленіе власти москов-

скихъ государей; съ другой—должно быть выяснено, почему **единодержавная власть** получила тотъ или иной характеръ, какія **идеи** положены были въ ея основу и придали ей тотъ или иной колоритъ. Именно эта послѣдняя сторона вопроса и интересовала автора.

Такимъ образомъ трудъ г. Дьяконова, посвященный вопросу о власти московскихъ государей, касается лишь одной частной стороны этой сложной темы, да и эта частная сторона взята изслѣдователемъ далеко не въ цѣломъ объемѣ. Автору казалось полезнымъ и важнымъ отмѣтить на первомъ планѣ, какъ отразились на политическомъ самосознаніи древней Руси церковныя и политическія отношенія ея къ Византіи, какъ оцѣнила эти отношенія древне-русская публицистическая литература и что изъ ея выводовъ воспринято оффиціальными сферами. Иначе, авторъ задумалъ представить оцѣнку того вліянія, какое имѣли **политическія традиціи византійской** имперіи на складъ политическаго міросозерцанія московскаго правительства. Этому вопросу и посвящены первыя четыре главы книги. Но, конечно, было бы недостаточно указать, какъ сложились тѣ или другія политическія доктрины въ странѣ. Теорія и практика далеко не всегда совпадаютъ: данная теорія можетъ вовсе и не найти отраженія въ дѣйствительности. Вотъ почему авторъ счелъ необходимымъ въ пятой и частію послѣдней главѣ своихъ очерковъ представить доказательства того, что разобранныя въ предыдущихъ главахъ политическія фикціи и доктрины не были лишь риторическими упражненіями досужихъ книжниковъ, а проникали и въ жизнь.

Опредѣляя такимъ образомъ предѣлы своего изслѣдованія, авторъ оговорился въ своей рѣчи, сказанной на диспутѣ, что разобранная имъ оффиціальная политическая доктрина или теорія власти не исчерпываетъ, конечно, всѣхъ главнѣйшихъ политическихъ идей, возникшихъ въ московской Руси и волновавшихъ различные слои общественныхъ классовъ современнаго общества. Отдѣльные слои

этихъ классовъ самостоятельно вырабатывали себѣ иное политическое міровоззрѣніе, которое шло въ разрѣзъ съ господствующей оффиціозной теоріей и проникало въ жизнь путемъ оппозиціонныхъ литературныхъ писаній.

Выясненіе политической роли этой оппозиціи, хотя бы лишь на почвѣ литературнаго столкновенія идей, содѣйствовало-бы, конечно, большему оттѣненію оффиціальныхъ политическихъ доктринъ, но авторъ счелъ возможнымъ воздержаться отъ этого выясненія, полагая, что и безъ подобнаго дополненія его трудъ немного теряетъ въ своей цѣльности.

Въ такомъ приблизительно видѣ изобразилъ самъ авторъ задачи и объемъ своего труда. Нельзя не признать, что г. Дьяконовъ очень точно опредѣлилъ общее содержаніе его книги. Большая ея часть (главы I—IV) занята изображеніемъ того, какъ переходили на русскую почву византійскіе церковно-политическіе взгляды и въ какую систему они сложились въ Москвѣ при условіяхъ русскаго политическаго быта. Выяснивъ исторію той схемы, въ какую въ XVI вѣкѣ окончательно отлилась оффиціальная теорія власти московскихъ государей, авторъ пытается прослѣдить (въ главахъ V и VI) вліяніе этой теоріи на политическую практику Москвы. Если первую часть книги можно охарактеризовать, какъ сводъ извѣстнаго, но разбросаннаго историко-литературнаго матеріала, то за второю частью, за двумя послѣдними главами, нужно признать значеніе большее. Въ главѣ V-й авторъ знакомитъ насъ со своеобразнымъ и малоизвѣстнымъ московскимъ обычаемъ **„царскаго мѣстничества“**, существовавшимъ въ XVI вѣкѣ въ сношеніяхъ съ иноземными владѣтелями; въ трудѣ г. Дьяконова не только сгруппированы факты этого мѣстничества, но и вскрыты его основанія, заключавшіяся въ идеальныхъ представленіяхъ московской власти о ея міровомъ значеніи и исторической роли. Въ послѣдней же VI-й главѣ г. Дьяконовъ пересматриваетъ старый вопросъ о правѣ **отъѣзда** изъ Москвы „вольныхъ слугъ“ и объ отношеніяхъ

къ этимъ слугамъ московскихъ государей вообще. Пересмотръ вопроса привелъ автора къ заключеніямъ далеко не общепринятымъ: г. Дьяконову удалось показать, что въ данномъ случаѣ тѣ правовыя нормы, которыя признавались до сихъ поръ за довольно точное отраженіе житейской дѣйствительности, оказывались гораздо чаще мертвою буквою, чѣмъ началами живаго права. Московскіе государи, во имя своихъ теорій о полнотѣ власти, всѣми возможными путями ограничивали и уничтожали льготы своихъ слугъ на практикѣ, хотя и не рѣшались до поры до времени на открытое отрицаніе этихъ льготъ въ принципѣ. Съ такою подробностью и такъ обстоятельно, какъ г. Дьяконовъ, никто еще не выяснялъ въ нашей литературѣ этой коллизіи новыхъ теорій съ архаическими нормами права.

То, что есть въ книгѣ г. Дьяконова, дѣлаетъ его книгу серьезнымъ историческимъ трудомъ. Но многое въ книгѣ и отсутствуетъ вовсе, и самъ авторъ, говоря его словами, „не закрываетъ глазъ передъ такимъ пробѣломъ его очерковъ". Поздно было бы упрекать въ пробѣлахъ автора, послѣ того, что ему указано было на диспутѣ и что говорилось въ періодической литературѣ. Умѣстнѣе будетъ сказать, что авторъ самъ недостаточно оградилъ себя отъ упрековъ, давая слишкомъ широкое заглавіе своей книгѣ и не оговоривъ достаточно въ предисловіи, что имѣетъ въ виду изученіе только политическихъ идей, а не политическихъ фактовъ, изученіе исторіи только оффиціальнаго политическаго міровоззрѣнія, а не политическихъ теорій въ древнерусской жизни вообще.

VI.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Батюшковъ Н. Связь экономическихъ явленій съ законами энергіи (изъ журн. Мин. Нар. Просв.). Спб.—Бухъ Л. Теорія цѣнности. Спб.—Бѣлевичъ А. Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Трудахъ“ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1876—88 гг. Спб.—Брандтъ Б. Налогъ на освобожденныхъ отъ воинской повинности въ теоріи и практическомъ примѣненіи. Кіевъ.—Валицкій М. К. Изслѣдованіе здоровья рабочихъ на табачныхъ фабрикахъ. Наблюденія произведены на 12 табачныхъ фабрикахъ юга Россіи. Спб.—Гиляровъ-Платоновъ Н. П. Основныя начала экономіи. Посмертный трудъ. Съ предисловіемъ проф. И. Т. Тарасова. Москва.—Гахъ Ф. Узкоколейныя желѣзныя дороги, какъ подъѣздные пути, и узкоколейныя постоянныя и передвижныя желѣзныя дороги для земледѣльческой, горной, фабричной и заводской промышленности, а равно для строительныхъ предпріятій. Спб.—Гурвичъ И. Переселенія крестьянъ въ Сибирь. Москва.—Давыдовъ А. Историко-статистическій обзоръ казенныхъ рыбныхъ промысловъ въ водахъ Восточнаго Закавказья. Баку.—Игнатьевъ С. П. Записка о состояніи ткацкаго производства въ юго-западномъ краѣ и содѣйствіе къ его развитію. Кіевъ.—Исаевъ А. Что принесъ 1888 годъ для сохраненія русскихъ лѣсовъ. Спб.—Исаковъ. Представительство сельско-хозяйственныхъ интересовъ и мѣстные органы управленія сельскаго хозяйства. Спб.—Изнаръ Н. Законодательство Франціи по тарифнымъ вопросамъ (изъ журн. Министерства Путей Сообщенія). Спб.—Кустарные промыслы въ красноуфимскомъ земствѣ. Изд. красноуфимскаго уѣзднаго земства. Пермь.—Кустарная промышленность Пермской губ. на Сибирско-Уральской научной про-

мышленной выставкѣ въ г. Екатеринбургѣ въ 1887 году. Вып. 2-й. Уѣзды: Пермскій и Оханскій. Е. И. Красноперовъ. Изд. Пермскаго губернскаго земства. Пермь.—Крестовниковъ Н. К. Мѣры противъ контрафакцій и фальсифакаціи въ промышленности и торговлѣ. Москва.—Мосальскій В. И., кн. Производство хлопка въ Россіи и попытки введенія культуры хлопчатника въ южныхъ губерніяхъ и въ Предкавказьѣ (изъ журн. „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство" за 1889 г.). Спб.—Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губ. Томъ III. Александрійскій уѣздъ (Статистико-экономическое описаніе уѣзда). Сост. статистическимъ отдѣленіемъ при Херсонской губернской земской управѣ.—Матеріалы по статистикѣ Оренбургской губерніи. I. Движеніе населенія Оренбургской губерніи за 1887 годъ. II. Переселенія въ губерніи съ 1886 года. Изд. Оренбургск. Статист. Комитета.—Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Вып. II и III. Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Ишимскаго округа Тобольской губ. Изслѣдованіе А. А. Кауфмана. Часть 1-я. Спб.—Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Новгородской губерніи. Томъ I. Бѣлозерскій уѣздъ. Новгородъ.—Меккъ фонъ А. Къ вопросу о бумажно-денежномъ обращеніи. Спб.—Моревъ Д. Д. Руководство политической экономіи, для учениковъ коммерческихъ и реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. Спб.—Его-же: Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Изд. 2-е. Спб.—Немировъ Г. А. Опытъ исторіи С.-Петербургской биржи въ связи съ исторіей С.-Петербурга, какъ торговаго порта. Вып. V. Спб. —Петрушевскій Д. Рабочее законодательство Эдуарда III. Опытъ историческаго изслѣдованія. Кіевъ.—Пихно Д. О свободѣ международной торговли и протекціонизмѣ. Казань.—Принтцъ Н. Какъ помочь задолженному землевладѣнію. Спб. —Его-же: Дополненіе къ брошюрѣ: „Какъ помочь задолженному землевладѣнію".

Протоколъ засѣданій 89-го съѣзда представителей желѣзныхъ дорогъ II группы, бывшаго въ Петербургѣ съ 1 по 15 и съ 25 по 29 сентября 1889 года. Москва.—Результаты однодневной переписи городовъ Псковской губ., 28 ноября 1887 года. Вып. III. Города: Торопецъ, Холмъ и Новоржевъ. Изд. Псковскаго губернскаго статист. Комитета.—Ремезовъ, Очерки изъ жизни дикой Башкиріи, переселенческая эпопея.—Сазоновъ Г. Неотчуждаемость крестьянскихъ земель въ связи съ государственно-экономической программой.—Сельская земельная община въ Архангельской губ. по описаніямъ, представленнымъ въ статистическій комитетъ. Сост. подъ редакціею И. Знаменскаго. Вып. 4.—Сербиновичъ Я. Контръ-проектъ о бумажно-денежномъ обращеніи. Казань.—Соколовскій П. А. Дѣятельность земства по устройству ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Изд. Спб. отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Спб. 1890.—Сводъ тарифовъ на перевозку хлѣбныхъ грузовъ полными вагонами со станцій русскихъ жел. дорогъ къ портамъ и западной сухопутной границѣ. 2-е изд. общаго съѣзда представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ.—Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1885—87 гг. Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Изд. Д-та торговли и мануфактуръ. Спб.—Свѣдѣнія о желѣзныхъ дорогахъ въ 1887 году. Статистическія таблицы, составленныя по порученію г. Государственнаго Контролера.—Святловскій В. Фабричная промышленность Царства Польскаго. Варшава.—Его-же. Фабричный рабочій. Изслѣдованіе здоровья русскаго фабричнаго рабочаго. Варшава.—Его-же. Газовое производство въ санитарномъ отношеніи. Съ 5-ю рисунками въ текстѣ. Черниговъ.—Его-же. Матеріалы для оцѣнки здоровья рабочихъ на свеклосахарныхъ заводахъ и на табачныхъ фабрикахъ. Черниговъ.—Статистическое отдѣленіе Екатеринбургской земской управы. Промыслы Екатеринбургскаго уѣзда Пермской губ. Собрано и обработано подъ

редакціей Н. Звѣрева. Екатеринбургъ.—Статистическое бюро Казанскаго губернскаго земства. Казанская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ корреспондентовъ за 1888 г. (Годъ 4-й). Казань.—Тарасовъ И., проф. Очеркъ науки финансоваго права. Конспектъ лекцій. Изд. 2-е, въ 3-хъ выпускахъ. Вып. 1-й. Введеніе. Ярославль.—Туркинъ, Н. В. Законы объ охотѣ. Критическое изслѣдованіе русскихъ охотничьихъ законоположеній.—Толпыгинъ, М. А. Ежегодникъ по сахарной промышленности Россійской Имперіи за 1887—1888 гг. Вып. II. Изданіе Кіевскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества, при содѣйствіи д-та неокладныхъ сборовъ. Кіевъ.—Труды пятаго съѣзда нефтепромышленниковъ въ Баку. Съ 22 по 30 апрѣля 1889 г. Баку.—Филимоновъ Е. С. Краткій историческій очеркъ подворно-статистическихъ изслѣдованій въ Россіи. Вятка.—Цитовичъ Н. Обзоръ ученій о предпринимательской прибыли. Кіевъ. 1889.—Шмидтъ Ф. Военный налогъ. Изслѣдованіе. Спб.—Щегловъ Д. Исторія соціальныхъ системъ. Т. II. Критическое обозрѣніе соціальныхъ ученій Фурье, Кабе, Л. Блана, Ляменэ, П. Леру, Бюше, Отта, Ог. Конта и Литтре. Спб.

Первый выпускъ **Финансоваго права** профессора С.-Петербургскаго Университета **В. А. Лебедева** содержитъ въ себѣ обширное введеніе и ученіе о государственныхъ расходахъ. Во введеніи мы находимъ историческій очеркъ развитія финансовъ и финансовой литературы, указаніе мѣста, которое наука о финансахъ занимаетъ среди другихъ наукъ, и ученіе о методѣ. Заканчивающая первый выпускъ 1-я глава I части знакомитъ насъ съ дѣленіемъ государственныхъ потребностей на классы и съ характеромъ и высотой государственныхъ расходовъ въ разныхъ странахъ Европы. Почтенный авторъ съ полнымъ правомъ назвалъ 2-е изданіе своего

труда „переработаннымъ“. Въ общемъ удержанъ тотъ же характеръ, которымъ отличается трудъ проф. Лебедева и въ первомъ изданіи; но въ лежащемъ передъ нами выпускѣ сдѣлано много дополненій, а отдѣлы, посвященные теоріи, представлены въ болѣе яркомъ освѣщеніи. Каждая глава содержитъ много интереснаго и поучительнаго; нѣкоторыя же отличаются даже монографическою полнотой. Критика своевременно отмѣтила богатство литературно-библіографическаго отдѣла въ первомъ изданіи труда г. Лебедева; во 2-мъ же изданіи мы находимъ еще гораздо большую полноту. Обзоръ литературы, начинаясь съ Ѳомы Аквинскаго, даетъ намъ главныхъ писателей Среднихъ Вѣковъ; съ 16 столѣтія мы имѣемъ литературу уже въ такомъ изобиліи, что и изъ нѣмецкихъ писателей по финансамъ немногіе могутъ соперничать съ г. Лебедевымъ. Весь очеркъ литературы построенъ по такому плану: дается перечень трудовъ по финансамъ съ изложеніемъ мнѣній и характеристикою главныхъ писателей—Ѳомы Аквинскаго, Карафы, Макіавелли, Гвичардини, Бодэна, Томаса Мена, Оссы, Борница и другихъ. Авторъ проявляетъ обширное знакомство не только съ нѣмецкой, французской и англійской литературой, но также съ итальянской и испанской. Новымъ писателямъ, начиная съ 18 вѣка, посвящены болѣе обширные очерки. Библіографическій отдѣлъ служитъ дополненіемъ къ очерку литературы; онъ содержитъ указанія по финансовымъ хозяйствамъ отдѣльныхъ народовъ, причемъ не опущены даже второстепенныя и третьестепенныя государства—Голландія, Швейцарія, Египетъ, Китай, Японія.

Въ главѣ о государственныхъ потребностяхъ, послѣ нѣсколькихъ общихъ положеній о соотношеніи между расходами и доходами, дается историко-статистическій очеркъ государственныхъ расходовъ въ Россіи и многихъ другихъ государствахъ.

Проф. Лебедевъ замѣчаетъ въ предисловіи, что образцами для его труда служили курсы Вагнера и Штейна. Мы вполнѣ соглашаемся съ нимъ, что эти оба писателя

должны быть признаны первыми величинами въ современной наукѣ о финансахъ. Между обоими финансистами можно провести такую пограничную черту: сила Штейна, какъ финансиста, состоитъ въ рѣдкой творческой способности, давшей наукѣ о финансахъ цѣлый рядъ новыхъ теоретическихъ построеній и оригинальныхъ характеристикъ для различныхъ историческихъ періодовъ. Главная заслуга Вагнера состоитъ въ отличной разработкѣ многихъ частностей теоріи и исторіи финансовъ, а также въ искусномъ утилизированіи сокровищъ, накопленныхъ въ литературѣ. Штейнъ чаще увлекаетъ, Вагнеръ — убѣждаетъ. Мы думаемъ, что проф. Лебедевъ гораздо болѣе усвоилъ манеру Вагнера, нежели Штейна. Конечно, этотъ обширный трудъ никоимъ образомъ не можетъ быть признанъ только руководствомъ для учащихся: онъ еще болѣе служитъ пособіемъ для учащихъ, которые могутъ найти въ немъ для себя много поучительныхъ указаній.

Другая работа профессора В. А. Лебедева, изданная въ истекшемъ году, „**Бумажныя деньги**“—составлена изъ рѣчи, произнесенной авторомъ на Университетскомъ актѣ 8 февраля 1889 года. Почтенный авторъ начинаетъ съ опредѣленія денегъ и выясненія функцій, которыя онѣ исполняютъ въ народномъ хозяйствѣ. Бумажными деньгами авторъ признаетъ только деньги неразмѣнныя. Въ историческомъ очеркѣ проф. Лебедевъ знакомитъ насъ съ французскими ассигнаціями конца прошлаго вѣка, съ прусскими кассовыми квитанціями, австрійскими банко-цеттелями, итальянскими, американскими и, наконецъ, русскими бумажными деньгами. Историческій очеркъ, занимающій большую часть брошюры, заканчивается указаніемъ на мѣропріятія послѣднихъ лѣтъ, которыя были направлены на упорядоченіе денежнаго обращенія въ нашемъ отечествѣ. Въ концѣ брошюры авторъ ставитъ общій вопросъ о средствахъ, которыя наиболѣе пригодны для **возстановленія цѣнности бумажныхъ денегъ**. Девалюація можетъ быть одобрена только подъ условіемъ, что внутри страны накопился достаточный

запасъ монеты, позволяющій поддерживать размѣнъ бумажныхъ денегъ. Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что благопріятный для насъ торговый балансъ послѣднихъ лѣтъ не можетъ быть ручательствомъ за то, что звонкая монета будетъ приливать на нашъ рынокъ. Превышеніе по цѣнности нашего вывоза надъ ввозомъ вовсе не можетъ считаться обезпеченнымъ: „у насъ почти нѣтъ такихъ естественныхъ продуктовъ, которые всегда будутъ вывозиться (каковы напр., хлопокъ въ Америкѣ, ... желѣзо, уголь, мануфактурныя издѣлія въ Англіи). Главный предметъ нашего вывоза .... хлѣбъ, такой продуктъ, требованія на который отъ насъ обусловлено неурожаями заграницей, съ чѣмъ должны совпадать урожаи у насъ,— да сверхъ того плохіе урожаи въ странахъ, снабжающихъ Европу хлѣбомъ дешевле и лучше нашего“ (стр. 60). Сжиганіе кредитныхъ билетовъ также представляется автору средствомъ весьма сомнительнаго достоинства. Въ заключеніе онъ высказываетъ прекрасную мысль о необходимости расширить нашъ внутренній рынокъ. „Улучшите условія жизни этихъ сермяжныхъ потребителей, повысьте кругъ ихъ разумныхъ потребностей, дайте имъ въ руки лучшія условія труда и заработка, избавьте ихъ отъ эксплуатаціи разными Колупаевыми и Разуваевыми—и вы создадите колоссальный внутренній сбытъ своимъ отечественнымъ продуктамъ!.. Тогда не будетъ надобности лелѣять заграничной сбытъ, какъ нѣкое нѣжное дитя...“ (64). Интересная брошюра проф. Лебедева заканчивается подробнымъ указателемъ литературы о бумажныхъ деньгахъ, въ которомъ приведены не только труды, имѣющіе дѣйствительное научное значеніе, но даже и произведенія безусловно слабыя, никакого значенія не имѣющія.

Краткій учебникъ **Политической экономіи Д. Д. Морева**— хорошее руководство для усвоенія началъ политической экономіи. Сравнительно съ первымъ изданіемъ мы находимъ здѣсь много дополненій и нѣсколько совершенно новыхъ статей. По плану, трудъ г. Морева напоминаетъ нѣ-

мецкіе и англійскіе учебники; съ послѣдними онъ имѣетъ сходство какъ по распредѣленію матеріала, такъ и по преобладанію теоріи; съ нѣмецкими же учебниками онъ сближается именно въ тѣхъ своихъ отдѣлахъ, гдѣ теоретическое изложеніе дополняется историческими и статистическими очерками. Изъ русскихъ учебниковъ книга г. Морева имѣетъ наиболѣе сходства съ курсомъ г. Ходскаго. Всѣ четыре отдѣла — производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе — изложены ясно, сжато, но достаточно подробно для тѣхъ, кто только приступаетъ къ изученію науки. Авторъ на всемъ протяженіи своего труда сохраняетъ чувство мѣры, помогающее ему отличать главное отъ мало существеннаго. Намъ особенно понравился II отдѣлъ — ученіе объ обмѣнѣ. Здѣсь нашли себѣ мѣсто не только обычныя составныя части этого отдѣла — ученіе о цѣнности, рыночной цѣнѣ, деньгахъ, главныхъ банковскихъ оборотахъ и т. п., но и вопросы, рѣдко вносимые, хотя и требующіе разъясненія, особенно въ коммерческихъ училищахъ, для которыхъ, главнымъ образомъ, и предназначается трудъ г. Морева; таковы, напр., ярмарки, биржи, консулы, биржевыя операціи съ цѣнными бумагами, и пр. Намъ пріятно было замѣтить въ этомъ элементарномъ руководствѣ очень серьезное отношеніе къ основнымъ юридическо-экономическимъ фактамъ: въ ученіи о правѣ собственности на землю авторъ сжато, но рельефно изображаетъ выгоды общиннаго землевладѣнія и защищаетъ его отъ многочисленныхъ нападокъ, которыми изобилуетъ русская и иностранная литература. На немногихъ страницахъ, отведенныхъ вопросу о **хозяйственныхъ кризисахъ**, эта важная особенность новой экономической жизни оцѣнивается авторомъ глубже, нежели то обыкновенно встрѣчаешь въ учебникахъ: г. Моревъ указываетъ на слишкомъ сильное соперничество, злоупотребленіе кредитомъ, спекуляцію, колебанія цѣнности денегъ, какъ условія, способствующія кризисамъ; но главную причину усматриваетъ онъ въ несоразмѣрности двухъ теченій — роста произ-

водительности труда и возрастанія покупательныхъ средствъ въ населеніи. Многочисленныя и крупныя достоинства книги г. Морева облегчаютъ указаніе на нѣкоторые недостатки. Автору слѣдовало бы удѣлить нѣсколько страницъ вопросу о методахъ, приложимыхъ въ политической экономіи. За послѣдніе годы, когда выросла цѣлая литература по методологіи и когда, благодаря трудамъ Кэрнса, Сиджвика, Коона, Менгера, Сакса и другихъ, эти вопросы получили яркое освѣщеніе, и въ начальномъ руководствѣ по политической экономіи нужно отводить для нихъ мѣсто. Другимъ существеннымъ пробѣломъ считаемъ мы отсутствіе въ книгѣ г. Морева ученія о населеніи. Авторъ слѣдуетъ французскимъ писателямъ, которые обыкновенно не вносятъ въ курсъ этого отдѣла. Болѣе предпочтительна манера нѣмцевъ — излагать нѣкоторыя стороны ученія о населеніи. Конечно, нѣтъ надобности обращать этотъ отдѣлъ въ полный курсъ популяціонистики; но изученіе такихъ важныхъ хозяйственныхъ явленій, какъ выселенія и переселенія, должно найдти себѣ мѣсто даже въ самомъ краткомъ учебникѣ политической экономіи. Ученіе о таможенныхъ налогахъ и **протекціонизмѣ**, вообще, изложено очень хорошо; но въ него вкралось часто высказываемое, хотя никогда не доказываемое положеніе, что безъ таможеннаго покровительства въ странѣ не могутъ развиться разнообразныя отрасли производства (стр. 125—7). Возраженіемъ противъ этого широкораспространеннаго мнѣнія можетъ служить ссылка на тотъ фактъ, что многія отрасли ремесла и кустарной промышленности развивались и продолжаютъ развиваться во многихъ странахъ безъ всякой поддержки таможенными налогами. Укажемъ, наконецъ, на предпочтеніе, отдаваемое г. Моревымъ нѣкоторымъ вопросамъ, гдѣ теоретическое изложеніе дополняется историческими и статистическими очерками: таковы ученія о деньгахъ и монетѣ, о банкахъ, о рабочихъ союзахъ и нѣкоторые другіе. Дабы сохранить полную гармонію во взаимномъ отношеніи частей, слѣдовало бы пріобщить подобные очерки и къ другимъ отдѣ-

ламъ. Въ общемъ, книга г. Морева есть очень цѣнное пріобрѣтеніе для русской учебной литературы.

Брошюра г. **Шмидта о военномъ налогѣ** заключаетъ въ себѣ изложеніе законодательства Австріи и Швейцаріи о военной подати, установленной для всѣхъ тѣхъ, кто освобождается отъ отбыванія воинской повинности, а также мнѣній нѣсколькихъ германскихъ юристовъ и экономистовъ, высказывающихся въ пользу этого налога. „Въ силу чисто техническихъ требованій, установляющихъ извѣстный минимумъ службы, государство не можетъ согласиться зачислить всѣхъ годныхъ на болѣе короткій срокъ, чѣмъ теперь, и такимъ образомъ уравновѣсить военное бремя. Съ другой стороны нельзя, понятно, требовать зачисленія въ строй людей, государству не нужныхъ. Остается лишь одно—обложить тѣхъ, которые не подлежатъ воинской повинности, налогомъ, дающимъ государству возможность привлечь ихъ къ несенію затратъ, необходимыхъ для охраны государственной самостоятельности“ (стр. 5). По мнѣнію автора, военному налогу не должны подлежать только тѣ, которые освобождаются отъ отбыванія воинской повинности по тѣлесному недостатку, дѣлающему ихъ неспособными къ работѣ. Всѣ же остальныя лица (не исключая и духовенства) должны подлежать налогу. Налогъ долженъ быть сообразованъ съ имущественными средствами плательщиковъ; его слѣдуетъ затрачивать на измѣненіе къ лучшему положенія бѣднѣйшихъ людей, отбывающихъ воинскую повинность; съ этою цѣлью суммы налога могли бы быть распредѣляемы между такими лицами по истеченіи срока дѣйствительной службы. Въ брошюрѣ г. Шмидта этотъ важный вопросъ только намѣченъ. По аналогіи съ переложеніемъ на деньги различныхъ натуральныхъ повинностей, и воинская повинность для многихъ лицъ можетъ быть замѣнена налогомъ. Но установленіе такого налога нуждается въ многочисленныхъ изъятіяхъ для людей бѣднѣйшихъ классовъ, которые, при отбываніи повинности, содержатся на счетъ государства; будучи же освобождены

отъ военной службы, должны снискивать себѣ скудное пропитаніе тяжелымъ и плохо вознаграждаемымъ трудомъ.

Книга г. **Ремезова: Очерки изъ жизни дикой Башкиріи, переселенческая эпопея**, представляетъ интересъ и для юриста, ибо знакомитъ съ условіями, на которыхъ переселенцы арендуютъ въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ земли у казны, частныхъ владѣльцевъ, удѣла и туземныхъ жителей—башкиръ. Изъ сопоставленія этихъ условій обнаруживается, что арендующіе землю у казны и удѣла занимаютъ довольно выгодное положеніе: сроки аренды достигаютъ 24 лѣтъ и отношенія сторонъ строго регулированы письменными договорами. На земляхъ же частныхъ владѣльцевъ отношенія собственниковъ и арендаторовъ совершенно неопредѣленны, часто не закрѣплены никакими письменными документами и оставляютъ для произвола землевладѣльцевъ широкій просторъ. Въ книгѣ собрано много документовъ, освѣщающихъ установленныя положенія.

VII.

СБОРНИКИ ЗАКОНОВЪ, РѢШЕНІЙ СУДЕБНЫХЪ МѢСТЪ, АДМИНИСТРАТИВНЫХЪ РАСПОРЯЖЕНІЙ, КОММЕНТАРІИ.

Асосковъ К. Справочная книга о количествѣ расхода при совершеніи купчихъ крѣпостей, закладныхъ, данныхъ, запродажныхъ записей и другихъ актовъ и засвидѣтельствованій. Спб. — Анисимовъ А. Положеніе о нотаріальной части, съ разъясненіями. — Его же. Новый дисциплинарный уставъ, съ разъясненіями по 1 іюля 1888 г.— Его же. Гербовая таблица. Извлеченіе изъ устава о гербовомъ сборѣ изд. 1886 г. и продолженій къ нему 1887 и 1889 гг. Спб. — Алексѣевъ А. Обзоръ законоположеній

по уставамъ Императора Александра II и уложенію о наказаніяхъ, необходимыхъ знать ветеринару, призываемому въ судъ въ качествѣ свѣдущаго лица. Спб. — Багговутъ Н. и Каменоградскій П. Уставъ гражданскаго судопроизводства, со включеніемъ измѣненій и дополненій для Прибалтійскихъ губерній и статей Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ. Спб. 1890.—Брюль Н. Систематическій сборникъ дѣйствующихъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ узаконеній и распоряженій правительства, а также положеній, правилъ, инструкцій и соглашеній, изданныхъ или одобренныхъ правительствомъ съ 1860 г. по 1-е іюня 1889 г. Ч. 1-я. Спб. — Боровиковскій А. Законы гражданскіе съ объясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената. Изд. 6-е. — Боровиковскій А. Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената. Изд. 2-е. Спб. — Воинскій уставъ о наказаніяхъ. Изданіе неоффиціальное, со включеніемъ измѣненій по 1-е іюля 1889 г. (С. В. П. 1869 г., ч. VI, кн. XXII). Спб. — Влахче Д. И. Юридическіе вопросы, разъясненные гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ Правительствующаго Сената. Кишиневъ. -- Вербловскій Г. Систематическій сборникъ положеній и извлеченій изъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго и общаго собранія 1-го, 2-го и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената за 1883—1888 гг. по гражданскому праву и судопроизводству. Спб. — Гусевъ А. Н. Сводъ основныхъ государственныхъ законовъ съ разъясненіями. Неоффиціальное изданіе книжнаго магазина В. и А. Бирюковыхъ. Харьковъ. 1890. — Его же. Уставъ о гербовомъ сборѣ и алфавитный перечень актовъ, документовъ и другихъ бумагъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ сего сбора изъятыхъ. Изд. 4-е. Харьковъ. 1890. — Гасманъ А. и Нолькенъ А., бар. Положеніе о преобразованіи судебной части и крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ При-

балтійскихъ губерніяхъ и правила о приведеніи означенныхъ положеній въ дѣйствіе. Съ изложеніемъ соображеній, на коихъ они основаны. Изд. Министерства Юстиціи. Томы I и II. — Григорьевъ В. Вексельный лексиконъ. Сборникъ словъ, вошедшихъ въ вексельное и торговое право. Спб. — Его же. Уставъ о векселяхъ (т. XI. ч. 2) изд. 1857 и 1887, съ разъясненіями по рѣшеніямъ Сената. Спб. — Долопчевъ В. Уставъ о содержащихся подъ стражею, дополненный циркулярными распоряженіями и инструкціями Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Главнаго Тюремнаго Управленія и Министерства Юстиціи. Орелъ. — Законоположенія объ облегченіи долгосрочнаго кредита и правила о взысканіяхъ Государственнаго дворянскаго земельнаго банка. Изд. неоффиціальное. Саратовъ. — Законы о евреяхъ. Сборникъ извлеченій изъ Свода Законовъ Россійской Имперіи, дѣйствующихъ о евреяхъ постановленій. Харьковъ. — Игумновъ І. И. Судебные уставы Императора Александра II съ законодательными мотивами и разъясненіями. Изд. юбилейное (1864—1889 гг.). Томъ I: Положеніе о нотаріальной части. Томъ II: Уставъ гражданскаго судопроизводства, вып. 1. (Цѣна за 4 тома 10 р.). — Квачевскій А. Гражданскіе законы, изложенные по ст. 1 ч. X тома Свода Законовъ изд. 1887 г., съ прибавленіемъ законовъ основныхъ, постановленій, дополняющихъ эту часть Свода, и текста Литовскаго статута и съ разъясненіемъ основаніями узаконеній, рѣшеніями кассаціонными и мнѣніями Государственнаго Совѣта. Вып. I. Предисловіе, законы основные и законы гражданскіе о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. Варшава. — Коншинъ М. Н. Общій Уставъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, пополненный позднѣйшими узаконеніями и распоряженіями Правительства по 20-е сентября 1889 г. Изд. 2-е. Спб. — Келлеръ Б. Правила о приведеніи въ дѣйствіе законоположеній о преобразованіи судебной части и крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ (съ переводомъ на нѣмецкій языкъ и съ изло-

женіемъ статей закона, на которыя сдѣланы въ этихъ правилахъ ссылки). Либава. — Клигманъ Г. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената. Казань. — Круберъ В. Настольная книга для заемщиковъ и должностныхъ лицъ Государственнаго дворянскаго земельнаго банка. Саратовъ. — Коршъ Д. Сборникъ законоположеній о сбереженіи и охраненіи лѣсовъ, частныхъ и общественныхъ. Спб. 1889 г. — Миклашевскій. Общій таможенный тарифъ на Европейской границѣ, дополненный по 2-е марта 1889 г. Спб. — Орловъ А. Алфавитный Сборникъ тезисовъ уголовнаго кассаціоннаго и общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената 1874—1884 гг. съ приложеніемъ указателей: постатейнаго къ сборнику и алфавитнаго свода циркуляровъ Министерства Юстиціи 1865—1887 гг. Саратовъ. 1888. Приложеніе къ сему сборнику. 1889. — Павловъ А. А. Сборникъ извлеченій и выписокъ изъ рѣшеній общаго собранія 1-го и кассаціоннаго департаментовъ, а равно кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. 1884—1886 г. (Продолженіе къ сборнику рѣшеній за 1866—1883). Кишиневъ. — Правила объ обложеніи раскладочнымъ сборомъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, содержимыхъ по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ и промысловымъ. Спб. — Правила о порядкѣ пріема и расходованія денежныхъ суммъ, поступающихъ въ гминныя и мировыя судебныя установленія, съ объяснительною къ нимъ запискою. — Реймеръ Ю. О гербовомъ сборѣ съ процентныхъ бумагъ. — Его-же. Наставленія объ оплатѣ гербовымъ сборомъ договоровъ о наймѣ квартиръ и другихъ помѣщеній. Изд. 2-е. Спб. — Римскій-Корсаковъ М. Сборникъ тезисовъ изъ рѣш. Гражд. Кассац. Д-та Прав. Сената, состоявшихся въ разъясненіе статей Гражд. Уложенія Царства Польскаго 1825 г., Положенія о союзѣ брачномъ 1836 г. и Кодекса Наполеона. Варшава. — Сенатскій архивъ. II. Журналы и опредѣленія Правительствующаго Сената. Спб. — Соколовъ

С. Акцизные Уставы, ч. 1-я, Уставъ Питейный. Спб. — Саваневскій А. А. Общій Уставъ россійскихъ желѣз. дорогъ, разъясненный постановленіями Правительства и кассац. рѣшеніями Прав. Сената по 10-е сентября 1889 г. Спб.— Соколовскій Н. Сборникъ постановленій по воинской повинности. Спб.—Сборникъ узаконеній и распоряженій Правительства, относящихся до производства единовременныхъ и ежемѣсячныхъ пособій отставнымъ и запаснымъ нижнимъ чинамъ, солдаткамъ, бывшимъ кантонистамъ, сыновьямъ почтовыхъ служителей, ратникамъ государственнаго ополченія и членамъ семействъ лѣсной стражи. Изд. 3-е, дополненное по 1-е августа 1889 г. Спб.—Сборникъ Правительственныхъ распоряженій по дѣламъ, до земскихъ учрежденій относящимся, томъ XI, изд. Хозяйственнаго Д-та М-ва Внутр. Дѣлъ. Спб.—Сборникъ рѣшеній по крестьянскимъ дѣламъ. Изданъ съ разрѣшенія Министра Юстиціи И. Л. Горемыкинымъ.—Сборникъ Министерскихъ постановленій, общихъ Правительственныхъ распоряженій М-ва Путей Сообщеній и Высочайше учрежд. временно-исполнительнаго комитета по передвиженію войскъ по желѣзнымъ дорогамъ. За 1877—78 гг. Томъ III. Спб.—Сборникъ договоровъ Россіи съ Китаемъ. 1689 — 1881 гг. Изд. М-ва Иностр. Дѣлъ. Спб.—Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ, конвенцій и соглашеній, заключенныхъ Россіею съ другими государствами и касающихся различныхъ вопросовъ частнаго международнаго права. Т. 1. Издано по распоряженію г. Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Спб.— Сборникъ обязательныхъ постановленій для г. С.-Петербурга и пригородныхъ полицейскихъ участковъ. Спб.— Скоровъ А. Сборникъ узаконеній и распоряженій Правительства, относящихся до уставовъ горныхъ и о частной золотопромышленности. Москва, 1890 г.—Сводъ правилъ, коими судебные пристава должны руководствоваться при составленіи описей крестьянскихъ имуществъ. Казань.— Таганцевъ Н. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Изд. 6-е. Спб.—Его же. Уставъ о на-

казаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, Изд. 6-е. Спб.—Токарскій Н. Д. Сводъ извлеченій изъ желѣзнодорожныхъ уставовъ и собраніе рѣшеній Сената по предмету желѣзнодорожной перевозки. Спб. — Трахтенбергъ Г. И. Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ уголовнымъ кассаціоннымъ и общимъ собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ Прав. Сената. 1878—88. Спб.—Чулковъ И. Систематическій сборникъ узаконеній (2500 статей) для чиновъ городской полиціи. Москва. — Шиловъ Д. Сборникъ законоположеній о сбереженіи лѣсовъ. Изд. Лѣснаго д-та. Спб.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписная цѣна **5 РУБЛЕЙ** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается **въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Анисимова, рядомъ съ Императорской Публичной Библіотекой; Цинзерлинга, Невскій проспектъ, № 46; Мартынова, Большая Морская, № 30; Стасюлевича, Васильевскій островъ, по 2 линіи, № 7; Чичинадзе, Невскій пр., № 57.**

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Анисимова, на Никольской улицѣ, д. Заиноспасскаго монастыря; у присяжнаго повѣреннаго А. О. Дерюжинскаго, Пречистенка, Мертвый переулокъ, д. Селезнева.

За перемѣну адреса уплачивается 50 копѣекъ, причемъ должна быть доставляема по возможности бандероль прежняго адреса.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться **въ редакцію „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ", С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, по 3 линіи, д. № 24.**

Объявленія объ издаваемыхъ книгахъ и журналахъ принимаются для напечатанія въ „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ" по расчету 20 копѣекъ за строчку и 6 рублей за страницу. Сверхъ того, о книгахъ юридическаго и историческаго содержанія, которыя будутъ присланы въ редакцію, объявленіе печатается три раза безплатно.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ:

Дерюжинскій Н. Отводы и возраженія по русскому гражданскому процессу. Спб. 1889. Ц. 60 к.

Исаевъ А. А. Промыслы Московской губерніи, 3 выпуска. Москва. 1876. Ц. 2 р. 50 к.

—— Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. Москва. 1879. Ц. 2 р. 50 к.

—— Государственный кредитъ. Ярославль. 1886. Ц. 1 р. 25 к.

—— Очеркъ теоріи и политики налоговъ. Ярославль. 1887. Ц. 1 р. 35 к.

Кони А. Ѳ. Судебныя рѣчи. 1868—1888. Изд. 2-ое. Спб. 1890. Ц. 3 р. 50 к.

Коркуновъ Н. Лекціи по общей теоріи права. 2 изданіе. Спб. 1890. Ц. 2 р.

Сергѣевскій Н. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в. Спб. 1888. Ц. 2 р.

—— Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть первая, общая. 2 изд. Спб. 1890. Ц. 2 р. 50 к.

Редакторъ-Издатель **Н. Сергѣевскій.**

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

000185988

